

Наталья
Солнцева

Селфи с римским фонтаном

Мистический детектив (АСТ)

Наталья Солнцева

Селфи с римским фонтаном

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Селфи с римским фонтаном / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2016 — (Мистический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-089676-9

Иногда случайное селфи может стать пророческим для людей, весело улыбающихся в камеру. Будущее уже бросило тень на их судьбу...
Благополучная жизнь семьи Евлановых начинает рушиться казалось бы, без причины. Сын бросает бизнес и садится за написание романа, невестка Злата всеми силами пытается вернуть мужа и рассказывает о нем небылицы: якобы он участвует в каких-то зловещих ритуалах на кладбище. Его мать обращается за помощью к Астре Ельцовой. Только эта загадочная женщина в силах разобраться в хитросплетении мистического и реального и отделить одно от другого. Вскоре Злату находят мертвой, а на ее груди лежит фото – они с мужем Дмитрием бросают монетку в римский фонтан в виде чаши. Астра догадывается, что чаша – ключ к разгадке преступления. Но даже не подозревает, как опасна древняя тайна, к которой она приблизилась... Эта книга ранее выходила под названием «Золото скифов».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089676-9

© Солнцева Н. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталья Солнцева

Селфи с римским фонтаном

*Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!*

М. Лермонтов

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором.

Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава 1

Он вышел из дома и сложил вещи в машину. Деревянный фасад, увитый плющом, остроконечная башенка, цветные стекла веранды пробуждали в нем ностальгические воспоминания. Детство, юность, первая любовь... Здесь так сладко пели соловьи, так густо цвели фиалки, так остро пахла после дождя сирень. Здесь он впервые поцеловал соседскую девочку. Как же ее звали? Когда она уехала, он решил, что жизнь кончена...

Странное беспокойство, которое он ощутил, выйдя во двор, усилилось. Он оглянулся – улица была пуста. Дачники еще спали, а местные жители ходили на электричку другим путем – напрямик через лесопосадку. Он прислушался. Легкий ветерок шевелил листву берез, шептался с орешником за забором. Звонко щебетали птицы, в кустах шиповника гудели пчелы. По небу плыли розовые облака.

Вместо умиротворения по его спине прошла волна холода, захотелось поскорее сесть в машину и дать газу... Нервы совсем расшатались. Это все усталость: бесконечные командировки, напряженные отношения с женой, бессонные ночи. Он привык работать допоздна, а потом долго не мог уснуть, ворочаясь в постели. Мысли текли, словно горный поток, – бурные, мутные, стремительные. Последняя поездка оказалась самой утомительной. Он сам не ожидал, что невинное развлечение, каким оно представлялось, обернется глубоким внутренним надломом. Он словно заглянул в глаза смерти...

Да, отправляясь в дорогу, он не воспринимал это всерьез. Так... профессиональная забава скуки ради. Мог бы не соглашаться. Взялся за это из-за жены! Вот она, правда. Жена ему попала... с причудами. И на кой черт ему было лезть в ее прошлое? Впрочем, даже и не в ее...

– Бес попугал! – процедил он сквозь зубы. – Неужели я боюсь?

Он считал себя заговоренным – и не без оснований. Из разных, порой по-настоящему опасных передраг выходил невредимым, словно его оберегал невидимый покровитель. Только одного ему следовало избегать – змей. Смерть его на кончике змеиного хвоста таится...

– Совсем бредишь, друг, – бормотал он себе под нос, прохаживаясь вокруг джипа. – У змеи зубы ядовитые, а не хвост. Еще в школе учили.

В кустах раздался какой-то шорох, и он замер, борясь с желанием немедленно вернуться в дом.

– Змеи здесь не водятся... – успокаивал он себя. – И вообще, хватит о смерти! Не то накликаешь...

Это был поединок с собственным страхом. Вместо того, чтобы ехать, он все ходил кругами, постукивал ногой по колесам внедорожника. Резину поменять бы не мешало на новую. Вон, лысины какие образовались.

Он поднял голову и посмотрел на дом. Можно было бы перестроить его на современный манер: перекрыть крышу, сделать во дворе сауну или парную баню... Деньги есть, вот только руки не доходят. Да и жаль родительского гнезда – здесь он вырос, здесь проводил летние каникулы, когда пошел в школу, сюда приезжал отдыхать от столичной суеты, когда стал взрослым. Здесь они с женой праздновали свадьбу – прямо под соснами жарили мясо, откупоривали шампанское... Он пролил вино на ее белое платье, а она не сердилась – смеялась. Любил ли он ее? Любит ли?

Еще один звонок, и пора ехать.

Говоря по сотовому, он весь покрылся нервной испариной. Казалось, за забором в орешнике кто-то прячется. По спине под нарядной рубашкой потекла струйка пота... С этим надо что-то делать. Так не годится.

Остальное слилось для него в короткий кошмар, полный ужаса и всепоглощающей темноты. Тихий хлопок, и пуля уложила его навзничь, на вымощенную булыжником площадку, где стояла машина.

Москва. Два месяца спустя

Если вы хотите узнать возраст зеркала – поднесите к нему свечу. Сколько отражений возникнет, столько веков зеркало служило людям. Зеркало впитывает столетия, хранит их в себе, подобно волшебному озеру, которое помнит всё, что когда-либо отражалось на его поверхности.

Не всякое зеркало обладает таким свойством – только то, которое делалось для определенных целей. Служить коридором в лабиринте времени, пристанищем заблудших душ или пространством Двойников. Зазеркалье – особый мир, куда не стоит заглядывать без нужды. Это окно, пронизаемое с обеих сторон: *и туда, и оттуда*.

Астра Ельцова держала свое чудесное зеркало в шкафу, запертом на ключ. Так же поступала его предыдущая хозяйка, баронесса Гримм¹. Волей судьбы Астра нанялась к ней в компаньонки и едва не погибла во время пожара. Из горящего дома ей удалось вынести старинное зеркало в бронзовой раме, сухой корешок мандрагоры и флешку с видеозаписью.

Она была уверена, что все это попало ей в руки не случайно. Случайностей вообще не бывает, есть нежелание видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Жизнь человека похожа на гобелен, сотканный невидимыми пряжами, где каждый завиток, каждая загогулинка нанесены со смыслом и значением. Попробуй разгадай секреты этого магического узора!

Должно быть, именно жажда познания заставила Астру уйти из обеспеченной семьи, обрести самостоятельность и заняться частным сыском. Ее первый опыт: разоблачение сумасшедшего убийцы, который оставил в доме баронессы Гримм флешку с разрозненными эпизодами в духе мрачной кельтской магии, – подсказал ей дальнейшие шаги. Каждое расследование открывало какую-то тайну прошлого, обреченную осуществиться в настоящем тем или иным способом. Жизнь – непрерывный процесс, и делить ее на прошлое и будущее – заманчивая, широко распространенная ошибка.

¹ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

Закончив очередное дело, Астра погружалась в ожидание. Она приехала из Крыма в странном состоянии пробуждения, как будто долгий сон медленно рассеивался. К ней возвращались прежние чистота и сила чувств, и она по-новому взглянула на то, что ее окружало.

По выходным она отдыхала в загородном доме родителей. Дачников стало меньше, рябина покраснела – осень оставляла свои метки повсюду. В саду созревали яблоки, сохла скошенная трава, на клумбах распустились хризантемы. Сентябрь стоял теплый, ясный, тихий. С берез бесшумно опадала золотая листва. Астра любила сидеть в беседке, дышать запахами сада и отцветающих лугов.

– О чем ты думаешь? – спрашивал отец.

– Ни о чем...

Он не понимал, как можно «напрасно тратить время». Ему катастрофически не хватало суток: он поднимался ни свет ни заря, уезжал на работу и приезжал домой затемно. Его детище – страховая компания «Юстина» – разрасталось, требуя все больше внимания.

– Когда внука мне подаришь? – с тоской восклицал господин Ельцов. – Или я так и умру, не став дедом?

– Зачем тебе внуки? У тебя бизнес!

– Ты замуж собираешься выходить, дочка? Думаешь, Матвей до седых волос ждать станет? Гляди, найдет другую.

– Пусть ищет...

Астра делала вид, что ей все равно, но на самом деле она начала задумываться над отношениями, которые сложились у нее с Матвеем Карелиным. Кто он ей? Партнер? Друг? Ухажер? Любовник? Жених? Они встретились в Камышине, где жила баронесса Гримм, и это наложило свой отпечаток на их чувства. Матвей почти спас Астре жизнь, он явно увлекся ею, помогал ей во всем и даже пытался понять ее. Но влюбленность периодически сменялась охлаждением. Каждый – и он и она – испытывал силу взаимного притяжения, пробовал освободиться от другого – и убеждался в бесполезности этого стремления. Их связало нечто большее, чем секс и общие взгляды на некоторые вещи. Они оказались спутниками в поиске чего-то неопределенного, важного, что брезжило перед ними, как свет маяка в густом тумане...

Астра считала, что на флешке записаны эпизоды будущего, которое им предстоит пережить, и оказалась права.

– Нельзя идти на поводу у безумца! – твердил Матвей. – Он ведет нас в темные дебри, как послушных овец. Его нет в живых, а мы подчиняемся его выдумке, словно марионетки.

– Хочешь сказать, он с того света дергает за ниточки?

– Не знаю... Похоже, да.

– Вот так новость! – смеялась она. – Предлагаешь просто отмахнуться? Наивный...

Иногда Матвею казалось, что привычный мир обернулся зазеркальем. Эта женщина, Астра, гипнотизировала его своей странной уверенностью, что все пойдет так, а не иначе. Ее двойник в зеркале наперед знал, как развернутся события. Да и сам Матвей изменился, все дальше уходил от себя прежнего, обычного предпринимателя средней руки, скептика и прагматика, любителя приударить за дамами. Его хобби – воспитание трудных подростков, с которыми он занимался в военно-спортивном клубе «Вымпел», – перестало удовлетворять его. Карелину было мало изнурительных тренировок и экстремальных походов, которые закаляли тело и характер. Наверное, он исчерпал себя в нетрадиционной педагогике. В какой-то момент Матвей осознал, что ведет себя как зритель, принужденный раз за разом смотреть один и тот же хорошо знакомый фильм, где все заранее известно, от реплик до финала.

Его существование раздвоилось – он, словно актер, играющий сразу в двух картинах, привыкал к разным ролям. С одной стороны, он был владельцем конструкторского бюро, с другой... О другой стороне лучше было не думать на трезвую голову. Астра втянула его в

авантюру, которую нельзя назвать даже сыском: адская смесь человеческих пороков, древних культов и магии, замешанная на вполне реальных убийствах, испугает кого угодно.

Он бы погрешил против истины, сказав, что его не влечет эта извилистая дорога, пролегающая между реальностью и миром теней. Астра шла первой и вела его за собой...

Она помнила наизусть каждый кадр «видеохроники», как он в шутку окрестил злополучную флешку из тайника в доме баронессы Гримм. Причудливое сплетение эпизодов завораживало своей несовместимостью и сумрачной романтикой в духе кельтских легенд:

Огромная змея кольцами скользит по стволу дерева... Охотники верхом загоняют дикого вепря: животное скрывается в тумане вместе со всадниками... В рыцарском замке под каменными сводами пиришественного зала кипит в котелке колдовское варево... Посреди круглого водоема на постаменте сидит бронзовая русалка с рыбьим хвостом... Улица средневековой Венеции запружена танцующими участниками карнавала... Золотое блюдо с лежащей на нем отрубленной головой... Старинная усадьба с фасадом, декорированным лепными масками... Толпа ряженых, улюлюкая, бросает в огонь соломенное чучело... Обнаженные любовники в масках предаются страсти на роскошном ложе... Звездное небо с серебристой россыпью Млечного Пути... Мраморная Афродита в венке из цветов мандрагоры... Корова пасется на зеленом лугу... Труп повешенного раскачивается на виселице... Туристы бросают монетки в воду старинного фонтана...

Кадры сменяют друг друга под ангельское пение – вокализ, исполняемый высоким женским голосом нежнейшего тембра. Все это производит жутковатое впечатление, просто мурашки бегут по коже. Сколько ни смотри, привыкнуть невозможно.

– Это тени из нашего будущего, – твердила Астра. – За каждым образом стоит конкретная задача, которую нам предстоит решить.

Матвей больше не возражал: ее слова исполнялись с пугающим постоянством. Он только задавал себе вопрос: «Зачем? Почему они должны шаг за шагом пройти по пути, начертанному автором пророческого «фильма»? Что им следует понять? В чем разобраться?»

В усадебном доме с масками на фасаде Матвей узнал дворец графа Якова Брюса в подмосковных Глинках. Когда-то, ощущая внутреннее родство с этим вельможей, ученым, фельдмаршалом и астрологом – самой загадочной фигурой среди знаменитых сподвижников Петра I, – он даже ездил в Глинки, бродил вокруг дома, улавливая флюиды прошлого, которые тот источал. Должно быть, мятежная душа Брюса, потомка кельтской знати и шотландского королевского дома, до сих пор не нашла себе покоя.

Иногда Матвей ловил себя на том, что думает, как Брюс, чувствует, как Брюс, и помнит то, чему никак не мог быть свидетелем.

– Яков Брюс – твой двойник, – говорила Астра. – У меня он тоже есть. Это женщина, которая живет в венецианском зеркале.

Овальное зеркало с золотистой амальгамой, заключенное в бронзовый багет, было главным «советчиком» Астры во время расследований. На обратной стороне его имелась полустертая надпись латинскими буквами ALRUNA. Поднесенная к зеркалу свеча отражалась бесчисленными огоньками, уходящими в бесконечность...

– У него нет возраста? – недоумевал Матвей. – Или это обман зрения?

Глава 2

Сергей Михайлович Евланов позвонил в офис и отменил совещание: у него заболела жена – слегла с нервным расстройством. В спальне царил полумрак. На прикроватной тумбочке стояли капли, вода в графине.

– Нельзя же так, Марина... – уговаривал супругу банкир. – Врач запретил тебе волноваться. Видишь, давление скачет, упадок сил, бессонница. Куда это годится? Никакая медицина не поможет, если ты будешь себя накручивать.

Жена молча отвернулась, по ее лицу текли слезы. Она чувствовала свою вину за то, что произошло в их благополучной с виду семье.

– Ну, успокойся, успокойся...

Он подал ей воды, но она оттолкнула его руку со стаканом.

– Надо что-то делать, Сережа. Поговори с ним! Мне звонила Злата, она рассказывает такие ужасы...

– А ты меньше ее слушай! Злата обижена, оскорблена. Естественно, она хочет выставить нашего сына в самом дурном свете. Думаешь, ей приятно чувствовать себя брошенной?

– Может, они еще помирятся?

– Нам не стоит вмешиваться. Пусть сами решают.

– Если бы у них был ребенок...

– Сколько пар разводится, имея детей! – возразил Сергей Михайлович. – Злата не сумела удержать мужа, хотя пыталась. Видимо, их отношения дали серьезную трещину.

– Димка изменял ей...

«Все мужчины этим грешат», – едва не вырвалось у Евланова, но он вовремя прикусил язык.

– Наш сын не святой. Признаю! Так ведь и Злата – не подарок.

– Чем же она плоха? – вскинулась Марина Ивановна. – Красавица, хозяйка хорошая, чистюля – в доме все блестит, холодильник от еды ломится... Чего Димке надо? Шлюху в постели? Так он в них недостатка не испытывал...

– Ладно тебе. Ну, позволял себе парень иногда развлечься. Не без того... А кто нынче мораль блюдет? Молодежь-то вон какая распущенная подрастает. Не нам чета. Другие они, мыслят по-другому, поступают по-другому. Новое поколение...

– Пусть бы гулял. Зачем семью рушить?

Сын Евлановых недавно развелся с женой и переехал на съемную квартиру в Сокольниках. Бывшая невестка нет-нет да и звонила свекрови, жаловалась на Дмитрия, изливала душу. Намекала, что он свихнулся на почве секса – влюбился в какую-то актрису и устраивает с ней оргии на кладбище. Эти «оргии на гробах» и доконали Марину Ивановну.

– Ты не понимаешь! – укоряла она мужа. – Наш сын попал в секту, он погибнет, если мы немедленно не вытащим его оттуда. Мальчик замкнулся, ни с кем не общается, отключил телефоны. Он даже нас видеть не желает. Их там гипнотизируют в секте, внушают всякую дурь. Обратись в детективное агентство! Найми сыщика, наконец!

В условиях финансовых неурядиц подорвать репутацию банка «Евланов и партнеры» было смерти подобно. О том, чтобы нанять частного детектива или поручить слежку за сыном верному человеку из собственной службы безопасности, и речи быть не могло. Во-первых, верные люди перевелись. Во-вторых, малейший слухок о неблагонадежности Дмитрия, который являлся правой рукой отца, нанес бы непоправимый вред бизнесу, спугнул бы и так неуверенных в завтрашнем дне вкладчиков.

– Нет уж, рубить сук, на котором мы все сидим, я не стану! – в сердцах произнес Сергей Михайлович. – Хочешь, чтобы я всех клиентов растерял из-за Димкиных художеств? К тому же Злата и соврет, недорого возьмет. Он ее бросил! Это для бабы худшее зло. Она его простить не может, вот и выдумывает напраслину.

– А если нет? Если она правду говорит?

Господин Евланов молчал, сопел и мерил шагами комнату. Сын у них уродился не только с завидными мозгами, но и со странностями – что угодно может выкинуть. И в секту какую-нибудь податься, и в террористы, и в революционеры... С него станется!

– Хорошо, – согласился банкир. – Я схожу к нему. Посмотрю, что там за страсти бушуют. Зря ты панику поднимаешь, Марина, ей-богу!

Он накапал жене лекарства из бутылочки, убедился, что ей полегчало, и позвонил водителю.

– Ты еще внизу, Петя? Я сейчас спущусь. Что? Марине Ивановне лучше... Да... да... Давай, подъезжай к парадному.

Когда за мужем закрылась дверь, госпожа Евланова долго лежала в тишине, пытаясь задремать. В голову лезли страшные мысли. Она напрасно гнала их... Внезапный развод сына со Златой потряс ее быстротой и легкостью, с которой Дмитрий решился уйти от жены. Чем-то она его не устраивала, это ясно. Но почему он поселился отшельником, перестал ходить в офис, совершенно остыл к работе?

– Я хочу написать роман, мама, – объяснил он. – Мне с детства не давали покоя лавры Байрона. Кто бы сейчас помнил об этом члене палаты лордов, если бы не его стихи?

– Но... Димочка... у тебя нет поэтического дара...

– Я не собираюсь сочинять поэму! Я буду работать в прозе. И не вздумайте мне мешать. Не то уеду куда глаза глядят, запрюсь в какой-нибудь тьмутаракани, и больше вы обо мне не услышите. Пока не выйдет эпопея!

– Что, сынок?

– Эпопея, мама! Литературное произведение, повествующее о крупных исторических событиях...

Его слова так не вязались с образом жизни богатого, избалованного молодого человека, который привык ни в чем себе не отказывать, что у Марины Ивановны перехватило дыхание от страшной догадки. Сын пал жертвой сектантов. Они заманивали в свои сети обеспеченных людей, чтобы напустить на них дурману и завладеть имуществом. Но как Димка – умница и скептик – мог покуситься на их приманки? Она диву давалась.

– Дима заболел, – плакала у нее в гостиной Злата. – Стал просто невменяемым! Это у бизнесменов бывает – от переутомления и сильного психического напряжения. Я советовалась с врачом, он перечислил похожие симптомы. Диму надо лечить! Но он и слышать не хочет о лекарствах...

– Желание развестись еще не признак безумия, – заявил тогда Сергей Михайлович.

Он был на стороне невестки, однако не мог позволить называть своего сына сумасшедшим. Мало ли, что в жизни случается? Бывает, мужики из-за красивой бабенки голову теряют. А Дима всегда был падок на женскую красоту.

Господин Евланов принялся осторожно разузнавать, куда тот ходит, с кем встречается, кто его новая пассия. Результат ошеломил. Дмитрий жил уединенно, никого к себе не водил; часто его видели в парке Сокольники, в глубокой задумчивости прогуливающимся по тенистым аллеям. Похоже, он действительно вынашивал замысел романа.

Сергей Михайлович поделился своими выводами с супругой.

– Почему бы нам не оставить его в покое? Пусть парень пишет книгу, если ему приспичило. Побалуется – и вернется к делам. Какой из него писатель? Ему скоро надоест, вот увидишь.

Госпожа Евланова кивала, но в ее глазах стояли слезы.

«А вдруг, на него порчу навели? – думала она. – Сейчас ведьмаков развелось, что саранчи. Сама же Злата и заказала «черный заговор»! От ненависти, от своего злобного бесилия...»

Материнское сердце подсказывало Марине Ивановне: с сыном не все ладно. Затягивает его в темную пучину...

Вот бы заглянуть в будущее хоть одним глазком, приоткрыть завесу времени, может, тогда удастся предотвратить беду?

Она обращалась к гадалке давным-давно, перед своей свадьбой. Будет ли она счастлива с Сережей, все ли у них сложится благополучно? Тогдашнее пророчество сбылось. Правда, гадалка предупредила Марину о какой-то неведомой опасности, подстерегающей ее семью. С годами слова провидицы выветрились из памяти Марины Ивановны. Всплыли только сейчас...

* * *

– Ты выезжаешь?

– Да, уже скоро.

– Один?

– Жена остается на даче.

– Когда ты будешь в Москве?

– Думаю, через час.

На этом навязчивый сон Леры прерывался, она открывала глаза и лежала до утра в прострации. От неудобной подушки ныла шея, затекал затылок. По потолку проплывали полосы света и тени. Где-то этажом выше плакал младенец. Под его приглушенные всхлипы Лера вспоминала, что произошло после последних слов любовника...

Их встреча так и не состоялась. Теперь уже никогда не состоится.

«Любил ли он меня? – сомневалась Лера. – Или просто развлекался? Кем я была для него – женщиной, с которой хорошо в постели?»

Она собиралась поговорить с ним начистоту... Не успела. Пуля убийцы оборвала его жизнь. В тот же день о его смерти трубили в новостях, писали в газетах. Журналисты рвали на части лакомый кусочек, окрестив гибель известного человека «Загородной трагедией». Периодические издания пестрели зловещими заголовками, на первых полосах помещали крупным планом его портрет.

К гробу с телом погибшего пришли толпы москвичей. Лера, закутавшись в черный пла-ток и спрятав опухшие глаза за темными очками, прощалась с возлюбленным, как посторонняя, одна из многих, которые унылой чередой брели мимо уставленного цветами и венками постамента. На кладбище она не поехала, плакала дома, зарывшись лицом в подушку, перебирала в памяти их короткие разговоры, его нервозность, рассеянность. Может быть, он предчувствовал свою смерть?

– Ты слишком рискуешь, – говорила она.

– Такова моя работа.

– Не боишься, что на тебя «наедут»?

– Отобьюсь. Не впервой!

Он все же стал другим: осторожным, подозрительным. Раньше никогда не беспокоился, оставляя машину где попало, ходил не оглядываясь. Считал себя заговоренным. Хвалился:

– Меня бабка в детстве к знахарке водила. Та обряд какой-то сотворила. Оберегающий от всякой напасти на земле, в воде и в воздухе. Теперь мне ничто не страшно. Кроме укуса змеи! Но в Москве змеи не водятся. А в жаркие страны я не езжу – зарекся.

Ему начали сниться тревожные сны. Спасался коньяком, крепкими кубинскими сигарами, до которых был большой охотник. Наполовину опустошенная коробка так и осталась у Леры на туалетном столике. Она открывала ее и вдыхала пряный, острый запах скрученных вручную табачных листьев, даже пробовала курить. Одной затяжки хватило. Откашлявшись, она решила не испытывать бронхи и легкие на прочность. После перенесенной астмы, которую с трудом удалось вылечить, табачный дым был ей противопоказан.

Когда первая волна горя схлынула и к Лере вернулись здоровые мысли, она перевернула всю свою квартиру вверх дном. Если ее возлюбленного убили из-за каких-то материалов, то где гарантия, что они не спрятаны в ее шкафу или под ковром? Не хватало, чтобы диск или флешка стоили ей жизни! Тот, кто пошел на убийство, ни перед чем не остановится. Один труп или два, три... какая разница? Она смотрела по телику многочисленные сериалы, где ничего не подозревающие люди становились жертвами преступников, которые искали «накопанный» на них компромат.

Не обнаружив у себя дома электронных носителей опасной информации, Лера почему-то не успокоилась. Преступники ведь об этом не знают. Вдруг они явятся к ней и...

О худшем думать не хотелось. Она еще раз методично осмотрела каждый укромный уголок квартиры. «Если что-то найду – отдам добровольно. Только кому?»

Лера работала продавщицей в магазине фототоваров. Там она и познакомилась с погибшим, – он приобрел дорогую фотокамеру, потом пришел ее менять. Слово за слово, хорошенькая длинноногая брюнетка приглянулась придирчивому покупателю.

– А я вас узнала! – ослепительно улыбалась она. – Видела ваше выступление на ток-шоу.

Ему это польстило. Он же не кинозвезда и не эстрадный певец, чтобы его узнавали в лицо. Молоденькая, восторженная, красивая, не обремененная умом женщина без личных амбиций – чего еще желать женатому мужчине? У них завязался легкий, веселый любовный роман. Трагический конец не был предусмотрен...

Лера не могла до конца поверить в его смерть даже после того, как прошла мимо его гроба. Ей казалось, там лежит бледная желтоватая кукла, одетая в мужской костюм, а он прячется где-то неподалеку и вот-вот положит руку ей на плечо, окликнет и чмокнет в залитую слезами щеку со словами: «Ты что, поверила в эту бутафорию? Опомнись, дорогая. Не узнаю тебя в этих черных шмотках. Немедленно сними и выбрось!»

Она так отчетливо услышала тогда его голос возле самого уха, что вздрогнула и судорожно оглянулась. Вокруг были понурые скорбные физиономии чужих людей, запах цветов и елки щекотал ноздри. Она чихнула под негодующий ропот пришедших проститься с ним. Его жена черным изваянием застыла в окружении «родных и близких».

Лера, словно подавленная тяжестью греха, втянула голову в плечи и поспешно проскользнула к выходу из траурного зала.

На улице ей стало легче, все происшедшее виделось в ином свете – какой-то страшной картинкой из черно-белого фильма, которая промелькнула и пропала, оставив горький осадок в душе. Неподвижный труп в гробу не имел ничего общего с мужчиной, целовавшим и обвинявшим ее под звуки «Времен года» Вивальди... «Разве тебя не возбуждают скрипки?» – шептал он. И ее охватывала страстная истома...

– За что они убили тебя? – спрашивала она каждый раз, когда он являлся ей во сне.

И каждый раз он отворачивался, отводил взгляд. Порывался предостеречь и, увлекаемый неведомой силой, растворялся в тумане.

– Он что-то скрыл от меня, – твердила Лера. – Что-то унес с собой. Тайну, которая может отнять у меня жизнь, так же, как у него.

Леру пугали тайны. Ее ум пользовался ограниченным набором данных, необходимых для более-менее сносного существования в большом городе, – дальше здоровья, бытовых проблем и работы ее мысли не простирались. Личные отношения, любовь, секс относились к сфере чувств, которые она просто испытывала, не углубляясь в тонкости. Смерть близкого человека произвела в ее сознании эффект урагана. Стихия улеглась, а разрушения и страх остались...

Лера стала бояться темноты, одиночества и шагов за спиной. В каждом покупателе она подозревала преступника, а в случайном прохожем – крадущегося за ней убийцу.

– Я ничего не знаю! – бормотала она, как заклинание, способное уберечь ее от опасности. – Он ничего мне не говорил! Он был скрытным, как агент иностранной разведки.

Она долго топталась у подъезда, поджидая, пока кто-то из жильцов не откроет дверь, чтобы вместе войти. У квартиры, прежде чем вставить ключ в замок, прислушивалась, не идет ли кто-то по лестнице. Дома она чуть ли не под кровать заглядывала, чтобы удостовериться, не прячется ли там злоумышленник.

Вечера тянулись однообразной унылой чередой, и Лера взяла себе за правило приглашать подругу на чашку чая. Вдвоем было не так страшно.

– Ой, у тебя открыто... – однажды заметила подруга и потянула дверь на себя. – Гости, что ли, приехали?

Лера задохнулась от ужаса. Никто не мог прийти к ней и открыть дверь своими ключами. Родители жили в Новосибирске, а эта квартира досталась ей от бабушки, которая умерла несколько лет назад. На семейном совете постановили, что Лера поедет ухаживать за старушкой, потому что школу поменять легче, чем работу. Так она осталась в столице.

– погоди! Это воров, наверное... Вызывай полицию!

У Леры подкосились ноги, и она сползла по стене, усевшись на немытые плитки пола. Подруга, напарница, с которой они вместе продавали фототовары, – оказалась не из робких.

– Давай сначала поглядим. Может, ты сама забыла дверь запереть? Поднимем панику зря, нам же и влетит!

Пока Лера хватала ртом воздух, храбрая девушка проскользнула внутрь. В квартире все было разбросано, везде в беспорядке валялись вещи. Если здесь и побывали грабители, то они уже унесли похищенное.

– Лерка! Иди, не бойся! – крикнула напарница. – Тут никого нет!

Они проверили, на месте ли богатства, накопленные Лерой: немного денег и золотые украшения, подаренные родителями. Все лежало в деревянной шкатулке с лаковой росписью.

– Гляди-ка, не тронули... Чего ж они искали? Доллары?

– Откуда у меня доллары?

Лера, на удивление подруги, не обрадовалась, а как будто еще сильнее расстроилась.

– Раз ничего не пропало, полицию вызывать незачем, – рассудила она.

– Ты хоть замок смени. Видать, хулиганы какие-то забрались, напакостили и смылись.

– Скажи еще, наркоманы!

– Может, и они. Странно только, что деньги и золото не взяли.

Лера опустилась на колени и бережно собрала в коробку рассыпанные по ковру кубинские сигары. Она чувствовала – смерть любовника разделила ее жизнь на «до» и «после». Теперь неизвестно, как будут развиваться события. Бросить к черту работу в магазине, уехать к родителям в Новосибирск? Сдать эту квартиру? Забыть Москву, шумную столичную жизнь, жаркие ласки чужого мужа и его внезапную гибель?

– Ты очумела совсем? – уставилась на нее напарница. – Все в Москву едут! Здесь хоть платят нормально, тем более у тебя жилье свое, снимать не надо. Ну, подруга, ты даешь! Хочешь, я к тебе переберусь? Меня предки так достают, мало не покажется. Будем за коммунальные пополам рассчитывать, готовить по очереди...

Что бы она сказала, признайся Лера, кто был ее возлюбленным, который изредка приходил сюда, стоял у этого окна, курил, выпуская дым в форточку, пил коньяк из мельхиоровых стаканчиков, о чем-то думал?..

Вопиющая нелепость смерти потрясла Леру своей непоправимостью, невозможностью ничего вернуть и до конца это осознать...

Глава 3

Из-за временных финансовых трудностей заказов в конструкторском бюро «Карелин» поубавилось. Матвей не огорчился, скорее обрадовался. У него освободилось время для досуга, и он стал чаще приглашать Астру то на прогулки, то в театр. В конце августа они съездили в Глинки, полюбовались на бывшую усадьбу графа Брюса.

В отцветающем буйстве лета уже проглядывало тусклое золото осени. На воде плавали медные листья осин, в аллеях ощущалась сырая прохлада. Пахло поспевающей рябиной, грибами, увяданием. Под ногами попадались зеленые желуди.

Астра восхищалась старым домом и парком, где все напоминало о прошлом, о неторопливом, размеренном быте помещиков, о мягкой красоте русской природы, о тишине, располагающей к размышлениям.

– Как бы я хотела жить здесь!

– У вас же есть загородный дом...

– Современные коттеджи, даже большие, похожие на дворцы, – совсем не то! – возразила она. – Другие линии, формы. Энергетика другая.

Ельцовы не раз предлагали дочери поселиться у них, но Астра и слышать об этом не желала. Она решила жить самостоятельно, в квартире на Ботанической улице. Две комнаты и кухня – вполне достаточно для одинокой женщины.

В ее гостиной висели две картины, напоминающие о расследовании дела Сфинкса – мастерски исполненная копия «Ласк» Кнопфа и портрет хозяйки, написанный погибшим художником Домниным². Оба полотна неизменно привлекали внимание каждого, кто прихо-

² Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Последняя трапеза блудницы».

дил в эту квартиру. Матвей сам часто задумывался, вглядываясь в черты той Астры, которую увидел и написал Домнин. До конца ли он понимает ее?

На картине она сидела спиной, одетая в черный атлас и кружева, – а ее лицо художник изобразил отраженным в зеркале. Овальная рама зеркала и картины повторяли друг друга, создавая игру реальностей. Зрителю как бы предлагался образ, который можно увидеть глазами женщины. Она смотрит сама на себя, и третий только мешает их сакральному общению.

– У меня мурашки идут по коже от этого портрета, – признавался Матвей.

– А я его люблю...

Еще бы! Домнин с дьявольской точностью уловил ее натуру – ускользающую от прямого взгляда, обманчивую, многоликую, как пляшущие огоньки свечей, окружающих ее на полотне. Впрочем, живая Астра любила огонь не меньше, чем нарисованная. Она покупала свечи везде, где только могла, и зажигала их повсюду, презирая правила пожарной безопасности.

– Ты уже чуть не сгорела однажды!

Астру это не смущало. Огонь был ее стихией, и она его не боялась. То, что она едва не погибла в пламени, объявшем дом баронессы Гримм, не сделало ее осторожней.

Сегодня Матвей отменил тренировку в клубе, чтобы прийти к ней на Ботаническую. Астра позвонила еще в обед, предупредила о визите клиентки.

– Намечается новое дело, – сказала она. – Госпожа Евланова придет в семь часов вечера. Тебе не мешало бы присутствовать, слышать все подробности из первых уст куда надежнее, чем в моей интерпретации.

Карелин ощутил прилив энтузиазма. После того, как они вернулись из Крыма в Москву, его мозги застоялись и требовали упражнений. Не только мышцы, но и ум, пребывающий в бездействии, теряет тонус.

– Кто такая Евланова и что у нее стряслось? – спросил он.

Частный сыск, замешанный на мистике и древних тайнах, начал вызывать у него привыкание. Без этого бодрящего «напитка» жизнь казалась скучной и монотонной.

– Она не захотела говорить по телефону. Придет – узнаем.

– Банк «Евланов и партнеры», случайно, не имеет к ней отношения?

Астра пожала плечами. Мало ли однофамильцев?

Время до семи часов пролетело незаметно. Они успели запечь свиные ребрышки и поужинать, когда в дверь позвонили. На пороге стояла дородная дама в костюме из светлого кашемира, фисташковый шарф в тон туфель и сумочки подчеркивал ее непринужденную элегантность. Пройдя в гостиную, она увидела Матвея и растерялась. Прирожденный такт не позволил ей сразу же отказаться от беседы.

– Мы договаривались о строгой конфиденциальности...

– Так и будет. Господин Карелин – мой помощник, – улыбнулась Астра, представляя их друг другу. – Вы можете довериться нам.

Дама нервно теребила ручку сумочки. На ее пальцах блестели массивное обручальное кольцо и перстень с изумрудом и бриллиантами, в ушах – серьги, составляющие гарнитур с перстнем.

– Мой муж не должен ничего знать... Видите ли, он прежде всего печется о репутации банка, а для меня важнее судьба моего единственного сына. Нашего сына...

Она произносила фразы, не заканчивая, а словно обрывая их.

«Значит, все-таки «Евланов и партнеры», – подумал Матвей. Он молча разглядывал посетительницу. Та не могла скрыть волнения, ее глаза блуждали, а лицо под слоем тонального крема покрылось бледностью.

– Я впервые поступаю против воли Сергея Михайловича... Это мой муж, – пояснила она. – Он решительно против...

Госпожа Евланова глубоко вздохнула и прижала руку к груди. Ей стало дурно от одной мысли, что скажет муж, если, не дай бог, эти люди не сдержат своего слова.

– Хотите чаю?

Дама покачала головой:

– Нет, спасибо. Я бы выпила минеральной воды... без газа.

Астра принесла воду и поставила перед посетительницей. Как бы у той сердечного приступа не случилось.

– Расскажите, что вас беспокоит? – участливо спросила она. – Возможно, все не так страшно.

– Да... да... конечно. Муж тоже считает, что я себя накручиваю. Я... знаете ли... совершенно не представляю, как быть... Даже к гадалке ходила. Надеюсь получить дельный совет, а она еще сильнее меня напугала. Подруга дала мне ее координаты. «Салон лунной магии». Приходилось слышать? Жрица Тэфана предсказывает будущее по какой-то волшебной «Книге пророчеств»...

– Она дала вам мой телефон? – догадалась Астра.

– Да... и сказала, что вы мне поможете...

С Тэфаной – в миру Тамарой Теплищевой – Астра и Матвей познакомились в Крыму, при расследовании дела об убийстве брата и сестры Ушаковых³. Теперь та прислала к ним супругу банкира. Ловко! Пророчество ведь еще надо истолковать, а «посвященная жрица» предпочитает не углубляться в смысл собственных предсказаний.

– Многоуважаемая Тэфана гадала вам по «Книге»?

Евланова кивнула, и бриллианты в ее ушах радужно сверкнули.

– Она велела мне назвать номер страницы и строку...

Астра представила Теплищеву: прямую и сухую, как палка, с горящими глазами, в парике и темной хламиде, с ног до головы увешанную лунными камнями и серебряными полумесяцами на цепочках. От одного ее вида оторопь возьмет.

– И что же там было написано?

У посетительницы пересохло в горле. Она потянулась к стакану с водой, сделала пару глотков и вымученно улыбнулась.

– Муж бы меня убил за такие глупости...

За годы супружества она полностью переложила на мужа ответственность за свою жизнь и семейное благополучие. Теперь любой самостоятельный, не согласованный с ним поступок казался ей едва ли не бунтом на корабле.

– «Книга» написана языком символов... – преодолевая неловкость, вымолвила она. – Госпожа Тэфана объяснила, что я сама должна понять смысл пророчества... Я не сплю уже две ночи. Снотворное не помогает... Простите... – Она глотнула еще воды. – У меня не получается! Мне ничего толкового не приходит в голову. Чем больше я думаю над этим... тем сильнее боюсь! Тэфана сказала, что если мне станет совсем невмоготу, то вы займетесь моей проблемой. Вернее, проблемой моего сына... Сейчас, минуточку...

Марина Ивановна полезла в сумку и достала блокнотик в изящном кожаном переплете.

– Я вам прочитаю...

Астра и Матвей молча ждали. Она поднесла блокнотик к глазам, прищурилась. Близорукая, а очков не носит – держит фасон. Ей совсем не безразлично, как она выглядит.

– Вот... *«Она дева наполовину... и наполовину – змея. Ее тело и хвост ослепляют блеском, а жало ее смертельно... Она ушла в страну мертвых и появилась среди живых, чтобы убивать... Она вышла из праха, дабы обращать в прах... Улицезревший ее, становится ее пленником и может погубить свою душу...»*

³ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Отпуск на вилле с призраком».

В комнате повисла гнетущая тишина. Жена банкира судорожно вздохнула и прижала руки к груди.

– Это, конечно, звучит дико... не правда ли? Однако же... речь идет о спасении души! Мой сын попал в западню! Я не хотела верить, но сеанс ясновидения при помощи «Книги» глубоко поразил меня... и подтвердил мои худшие опасения. Эта женщина пришла из преисподней и увлекает Димочку в свой ад!

В ее голосе нарастали истерические интонации, щеки пылали.

– Успокойтесь... ничего непоправимого ведь пока не случилось?

– Я забыла, что такое покой... – простонала Евланова. – С тех пор, как мой сын попал в лапы сектантов, я не могу жить, дышать! Я ходила в церковь... молилась, ставила свечи всем святым... Ничего не помогает. Я не могу сидеть сложа руки и наблюдать, как мой единственный ребенок устремляется в пропасть... гибнет... Он такой талантливый, способный мальчик! Всегда отличался здравым умом... Его подвергли гипнозу, какой-нибудь ужасной «промывке мозгов»... Верните мне его, умоляю! У меня есть деньги! Собственный счет в банке... Я оплачу любые расходы. Мужу не обязательно знать...

Она заплакала, слезы градом катились по ее лицу, пальцы дрожали. Она все еще беспокоилась, чтобы муж не прослышал об ее инициативе и не пресек на корню.

«Может, она просто нездорова? – подумал Матвей. – Возрастной психоз. Или серьезное душевное расстройство. Богатые праздные дамы нередко страдают различными депрессиями. Хороши мы будем, если скроем все это от Евланова!»

Внешне Марина Ивановна не была похожа на сумасшедшую. Скорее, она выглядела убитой горем матерью, измученной страхом за сына, страдающей от своего бессилия. Сколько ей лет? Явно за пятьдесят. Волосы покрашены в пшеничный цвет, чтобы меньше выделялась седина. На лице никаких следов пластики. Следит за собой, но без фанатизма.

Он уважал таких женщин. Борьба со старостью не становится для них смыслом жизни.

– Почему вы упомянули сектантов? – спросил он. – Есть основания считать, что ваш сын склонен к подобным вещам?

– В том-то и дело! Дима далек от традиционной религии и от прочих вероучений. Даже будучи подростком, он имел самые обычные интересы: любил читать, ходил в спортивные секции, изучал английский. Порой он удивлял нас с отцом какими-то выбрыками... Но ведь так у всех. Мальчиков воспитывать сложнее, чем девочек. Они упрямые, своевольные... любят проявить характер. Муж придерживается точки зрения, что мужчина должен закалять себя в борьбе. Он запрещал мне вмешиваться в жизнь Димы, боялся, как бы тот не вырос маменькиным сыночком. После школы отправил его в армию! Вообразите мое состояние...

Она промокнула щеки батистовым платочком и деликатно высморкалась.

– Сейчас Диме тридцать четыре года, он состоялся как мужчина и деловой человек... женат на красивой достойной женщине... был женат, – поправилась Евланова. – И вдруг все это летит в тартарары... из-за какой-то распутницы без чести, без совести. Извращенки, которая таскает его на кладбище! Мне страшно подумать, чем они там занимаются...

– Неужели сексом?

Марина Ивановна залилась краской.

– Я могу не отвечать на ваш вопрос? – пробормотала она. – На самом деле я не знаю! Я ничего не знаю! Злата приходит и рассказывает всякие ужасы про Диму... Это моя невестка. Бывшая. Дима без всякой причины развелся с ней. Он так решил! Нас с отцом, конечно, он спрашивать не обязан. Неважно, что мы привыкли к Злате, полюбили ее, как родную дочь... ждали внука... Кто сейчас считается с родителями?

– У Дмитрия есть дети?

– Нет... но мы надеялись. Бог милостив! Злата не могла выносить плод. Ее беременностью заканчивались выкидышами. Она лечилась. Врачи обещали положительный результат. Она даже обращалась...

Евланова осеклась и смущенно поджала губы.

– Куда обращалась ваша невестка? – уточнила Астра. – Уж не к магам ли?

– Нет, что вы... К народной медицине, к целителям... ездила по отдаленным монастырям. Молилась, делала пожертвования.

– Помогло?

– К сожалению, пока нет... Злата не теряет надежды! Лишь бы Дима вернулся в семью... А он слышать об этом не хочет. Снял квартиру в Сокольниках, заперся там и сидит. У него, видите ли, вспыхнула великая любовь к какой-то безвестной актрисе!

– Это время от времени происходит с мужчинами, – усмехнулся Матвей. – При чем тут сектанты?

– Вы не понимаете... Дима как будто полностью отрекся от мира. Он перестал ходить на работу в банк. Отец без него как без рук.

– Какая у вашего сына должность?

– Управляющий. От него многое зависит, а ему... стало все равно, как развивается бизнес. Он ничем не занимается. Не хочет никого видеть. Телефоны отключил. Отвечает только по одному сотовому – нам с отцом. Болтает чепуху! Дескать, пишет роман-эпопею... Разве не странно? Что ему мешает писать по вечерам, например, когда он возвращается из офиса? Зачем с женой разводиться? Злата с него пылинки сдувала...

– Должно быть, ему надоела работа в банке, и он решил стать писателем, – улыбнулась Астра. – Не вижу ничего предосудительного. Человек вдруг круто меняет жизнь, только и всего. Деньги у него уже есть... теперь можно делать то, что хочется.

– Деньги надо умело вкладывать, тогда они приносят прибыль. Когда деньги лежат без движения, они иссякают.

Жена банкира уверенно произнесла эту заученную фразу, которую, по-видимому, не раз повторял ее муж.

– Именно деньги и привлекают сектантов! Что же еще? – продолжала она. – Какой им резон заманивать в свои ряды нищих и бродяг? Они обдерут нашего сына как липку и бросят на произвол судьбы. Кому он потом будет нужен, измотанный, выжатый как лимон, психически истощенный?

– Про секту вам тоже Злата сообщила?

– Она сама в полном отчаянии... теряется в догадках. Что бы вы подумали на ее месте? Астра пожалала плечами. Брошенная женщина пытается обвинить супруга в любом грехе: раз он ушел от нее, значит – свихнулся. Не так уж оригинально.

Она высказала посетительнице свои сомнения. Не убедила.

– А эта страшная женщина? – снова заплакала Евланова. – А кладбище? А предсказание?

– Какая женщина? Вы ее видели?

– Нет... но Злата, она твердит про актрису, которая увела у нее Диму... Его поведение ни в какие ворота не лезет! Так ведут себя либо... больные, либо попавшие под чужое влияние. Поскольку признаков болезни у Димы не наблюдалось... я объясняю его выходку с разводом и последующее затворничество чьим-то вредоносным воздействием.

– Он действительно встречается с той женщиной на кладбище, если она существует наяву, а не исключительно в воображении вашей бывшей невестки?

Жена банкира достала таблетку и положила под язык. Ее волнение достигло предела.

– Вы мне не верите... Тогда возьмите и проверьте! За этим я сюда и пришла. Стоимость вашей услуги не обсуждается. Я, по понятным причинам, не могу обратиться в сыскное агентство или нанять детектива со стороны. Вы – другое дело! – с этими словами она уставилась на

Астру. – Мы с вами – люди одного круга. Я слышала о страховой компании «Юстина», которая принадлежит вашему отцу. Ельцовы – известная фамилия, пользующаяся уважением. Я бы никогда не доверила честь нашей семьи кому попало. Госпожа Тэфана очень хвалила вас... она сказала, что вы обладаете необыкновенным даром...

Почтение, с которым она отзывалась о Теплицевой, развеселило Матвея. Он чудом сдержался.

Они беседовали еще около получаса. После чего Евланова удалилась, оставив после себя запах дорогих духов и легкую тень тревоги...

Глава 4

Крым, Евпатория. 1882 год

Ислам-Али был богатым человеком. Аллах осыпал его своими милостями: торговля шла как по маслу, деньги текли ему в руки, молодые жены дарили ему сыновей. Недавно он переехал в новый дом с множеством комнат и уютным внутренним двориком, вымощенным камнем и увитым розами.

После обильной трапезы Ислам-Али отдыхал на мягких бархатных подушках, слушая, как воет ветер за стенами. Служанки ступали легко и беззвучно, убирая посуду. Пол повсюду устилали персидские ковры, а еду подавали на серебряных блюдах. Ислам-Али любил рассыпчатый плов с мясом, чтобы баранина таяла во рту, истекая жиром.

Но в последнее время Ислам-Али мучили несварение желудка и ночные кошмары. Врач, который осматривал его, посоветовал прогулки, постную диету и фрукты.

– Густая кровь провоцирует подобные недомогания, – объяснил он. – Вам следует воздерживаться от тяжелой пищи, уважаемый. Особенно перед сном.

Ислам-Али строго придерживался рекомендаций лекаря, только это не помогало. Он с трепетом ждал ночи, а когда ложился в постель, дыхание его без всякой причины учащалось, в груди появлялась боль, а на челе выступал холодный пот. Служанка приносила ему лекарство в пиале. Выпив горького травяного отвара, он погружался в дрему, и повторялось одно и то же.

Над его ложем склонялся суровый воин – бородатый, с пронзительным взглядом и жестким ртом, в панцире из позолоченных пластин и боевом поясе, в башлыке, расшитом золотыми бляшками, в полном вооружении кочевника: короткий меч в ножнах, лук и колчан со стрелами.

– Что тебе нужно? – в ужасе спрашивал Ислам-Али.

– Ты вор...

Воин произносил слова странным образом – не разжимая губ. Но Ислам-Али отлично все слышал.

– Это не я... – задыхаясь, лепетал он. – Не я...

– Ты взял мои вещи...

– Мне их принесли. Я понятия не имею, откуда они. Один бедный крестьянин... из деревни Чатай, пришел ко мне и предложил купить пару безделиц... Я добрый человек! Аллах велит помогать ближним. Вот я и выручил его... У него совсем не было денег...

– Безделиц?

Воин протягивал руку, его пальцы сжимали рукоять меча. Он замахивался...

Ислам-Али хватался за собственную шею, пытаясь уберечь голову.

– Хрр-ррр... хр-ррр... х-х... р-р...

Его гортань смыкалась, и хрипы затихали. Когда Ислам-Али, уже готовый предстать перед Аллахом, закатывал глаза, он внезапно просыпался... и долго хватал ртом воздух. Придя в себя, он вскакивал и звал любимую жену. Ему опять становилось плохо – теперь от пережитого смертельного страха.

– Здесь кто-то был... – бормотал он, оглядываясь по сторонам и судорожно дыша. – Кто-то пытался меня убить...

Будили слуг и устраивали им строжайший допрос. Никто ничего не видел, не слышал. Однако на горле хозяина проступали красновато-синие пятна, словно от чьих-то пальцев.

– Откуда у вас эти синяки, уважаемый? – удивлялся доктор. – Может, вы сами себя душили во сне? Невзначай! Редкий, весьма интересный случай...

Он подозрительно смотрел на молодую чернявую жену с пушиком над вздернутой верхней губкой, с длинными косами, с томными глазами газели, подернутыми влагой. Уж не она ли пытается избавиться от тучного похотливого супруга? Да нет, куда ей. С младенчества приучена к покорности, к беспрекословному подчинению мужчине. Дрожит от боязни не угодить, вызвать гнев своего господина. И руки у нее слабые, изнеженные, пальчики тонкие, как тростинки. Таких пятен не оставляют – сил не хватит.

Врач уходил, щедро одаренный за поздний визит, а для Ислам-Али продолжалась пытка бессонницей и головной болью.

Жена ложилась рядом и глядела на его серое, в испарине, лицо, обтирала лоб розовой водой, подавала питье с капелькой опиума, прописанное доктором.

Ислам-Али забыл, как выглядел крестьянин, который принес ему золотые вещи, завернутые в грязную рогожу. Не надо было брать! Нечистый попутал, жадность выиграла. Увидел знакомый желтый блеск, дивную красоту изделий и аж затрясся от вожделения. Денег дал, сколько тот запросил, не торгуясь. Этакому чуду не место в крестьянской лачуге, пропахшей дымом и овечьим пометом.

Ислам-Али торопливо спустился в кладовую, где хранились припасы, уселся на ларь с мукой, зажег свечу и затаив дыхание развернул рогожу. Ах, какая прелесть! Какая тонкая работа! Купец, который знает толк в старинных драгоценностях, отвалит за это немалую сумму, отвезет в Стамбул, выручит вдвое больше. Но отдавать жалко. Хочется самому любоваться... смотреть и смотреть... прикасаться, ощущая пальцами колдовской жар золота...

Служанка сунулась было в кладовку – за мукой для лепешек. Он тогда закричал на нее, прогнал. Чуть с кулаками не набросился. Нервный стал, будто с цепи сорвался. Сокровища чужих глаз не любят...

То, что он сделался обладателем бесценных сокровищ, не вызвало сомнений. От вещей, купленных у деревенского бедняка, исходил особый ток силы и могущества. По всей видимости, они принадлежали особе царского звания, влиятельному вождю степного народа или даже владыке целого государства. Вещи впитывают в себя мысли и чувства хозяина – если тот был мудр и удачлив, то новый владелец получит не просто украшения и ритуальные предметы, а еще и благосклонность судьбы в придачу.

– Аллах велик... – бормотал Ислам-Али. – Он снова одарил меня, ничтожного, безгражданной милостью...

Ислам-Али давно жил в Крыму и много слышал о зарытом в степях золоте бесчисленных поколений людей, обитавших на этих землях веками, тысячелетиями. Кочевники не имели домов, кладовок и тяжелых сундуков. Все свои украшения они носили на себе, а потом, после смерти, уходили в них в мир иной. Если души усопших пировали в языческом раю, то золото оставалось в затерянных под землей гробницах. Мертвым оно ни к чему, а живым может пригодиться...

Ислам-Али вдруг вспомнил выражение лица крестьянина, когда тот отдал ему рогожу с завернутыми в нее находками. На его губах появилась улыбка, а глаза сияли. Бедняк радовался!

«Я заплатил ему слишком много, – на мгновение огорчился богач. – Надо было не торопиться и сбить цену».

Той же ночью он подумал, что крестьянин мог быть счастлив по другой причине: он избавился от чего-то пугающего и непонятного, появившегося в его жизни вместе с этими золотыми изделиями...

Ислам-Али надежно спрятал приобретенные вещи и, довольный, приказал подавать обед. У него был отменный аппетит, однако он переел... и к вечеру прекрасное настроение

неожиданно испортилось. Он позвал молодую жену, но даже черноокая красавица не сумела развеселить его.

Ночью ему приснился первый кошмар. Огромный могучий всадник на коне, убранном с царской пышностью, проскакал по тихой евпаторийской улочке. Колокольчики на лошадиной сбруе громко звенели, эхом отдаваясь от глухих высоких заборов. Воин вломился во двор Ислам-Али, выхватил короткий обоюдоострый меч и крикнул:

– Знаешь, что мы делаем с головами врагов?

Он замахнулся... Ислам-Али увидел, как его голова отделилась от туловища и покати-лась по земле... Всадник ловко подхватил ее, насадил на острие меча и ускорил.

Богач пробудился в ознобе, вскочил, прижал руки к горлу, проверяя, на месте ли голова... У него вырвался вопль ужаса. Проснулась жена, испуганно побежала за водой. Его трясло, голос пропал, как будто ему в самом деле перерубили шею.

К утру он с трудом уснул. Страшный сон продолжился, едва Ислам-Али сомкнул веки...

В степи горел большой костер. Поблизости паслись лошади, несколько воинов собрались у кибитки из войлока, один из них занимался тем, что распиливал и вычищал череп. Другие обтянули его сыромятной кожей, а внутри покрыли позолотой.

– Что они делают?

Ислам-Али не поверил своим глазам. Воины налили в череп какую-то жидкость и... по очереди выпили. Самый высокий и широкоплечий, одетый в красивые доспехи, повернулся к испуганному согладатаю, спросил:

– Видишь, что тебя ждет? Мы превращаем черепа своих обидчиков в чаши. Таков наш обычай...

Ислам-Али долго не мог сообразить, спит он или потерял сознание от страха. Он не воин. Он торговец, и сроду не держал в руках оружия. Разве что нож при разделке барашка. Но таким ножом не отобьешься от закаленных в сражениях мужчин...

К полудню он очнулся от тяжелого забытья. Голова казалась налитой свинцом. Переносицу, в месте «распила», терзала боль.

Ислам-Али терпел сколько хватило сил. Измучившись, он, никому не говоря ни слова, забрал сокровища и тайно перевез их в маленькое горное селение, где жили его родственники. Подальше от своего дома. Он не хотел потерять череп...

Кошмары постепенно отступили. Воин приходил все реже, будто понимая, что до реликвий ему не добраться...

Москва. Наше время

– Что скажешь? – спросила Астра, закрыв дверь за госпожой Евлановой. – Мы беремся ей помочь?

– По-моему, ты уже дала согласие.

– Предварительное. Сначала я должна ознакомиться со всеми обстоятельствами дела.

Но Матвей уже понял, что они приступают к расследованию. Интересно, какой из эпизодов на флешке всплывет в этот раз? Афродита в венке? Римский фонтан? Пиршественный зал средневекового замка?

– Они могут повторяться...

– Читаешь мысли? – удивился он.

– Это легко. Все написано у тебя на лбу...

– Жаль. Разведчика из меня не получится.

Они решили начать с окружения Дмитрия Евланова. Возможно, друзья и знакомые знают больше, чем его мать. Та умоляла действовать осторожно, окольными путями, чтобы ни в коем случае ничего не просочилось в прессу и не дошло до мужа и сына.

– Не мешало бы взглянуть на главного героя, – предложил Матвей. – Завтра же и съездим к его дому. Фотографию клиента оставила, узнать будет несложно.

– Красивый мужчина...

Со снимка улыбался респектабельный молодой человек с бокалом шампанского в руке. Рядом, прислонившись к его плечу, стояла эффектная, но несколько располневшая брюнетка в ярком вечернем платье. Бриллиантовое кольцо на ее шее, должно быть, стоило уйму денег.

Как пояснила жена банкира, фотография была сделана на недавней годовщине свадьбы Дмитрия и Златы, после которого тот ни с того, ни с сего подал на развод. Колье – подарок сына невестке.

– Когда мужчина собирается бросить жену, он не будет дарить ей бриллианты, – рассудила Марина Ивановна.

– Почему же? – возразил Матвей. – Возможно, это прощальный подарок. Отступное, так сказать.

– Вы не знаете Диму. Он не чувствует себя виноватым. Нисколько! Видели бы вы его перед судом... Он смотрел на Злату, как на постороннюю женщину... словно и не было совместно прожитых лет, постели, наконец...

Последние слова она вымолвила, смущенно опустив глаза. И, помолчав, добавила:

– На сами заседания он отказался приходить... присылал своего адвоката. Тот вел себя вызывающе, даже... агрессивно. Злата мне жаловалась.

– Вы ей поверили?

– Она раньше никогда не обманывала.

– У вашего сына возник при разводе имущественный спор с женой? – спросила Астра.

– Да, кажется... были некоторые разногласия. Но их удалось уладить.

– Какие именно?

Госпожа Евланова небрежно махнула рукой. Вероятно, она подбирала украшения в тон одежде. Изумруд в ее перстне гармонировал с цветом шарфа, туфель и сумочки.

– Я привыкла в юридических и финансовых вопросах полагаться на мужчин, поэтому не вникала в тонкости.

Это было похоже на правду.

Марина Ивановна оставила адрес бывшего одноклассника своего сына – некого Дениса Кручинина.

– Если Дима вообще с кем-нибудь делится своими проблемами, то это Денис. В классе они были неразлучны, сидели за одной партой. Их в шутку называли «ДД». Не пойму, что их до сих пор связывает! Денис – странный, нелюдимый парень. В школе он побеждал на всех математических олимпиадах, любые контрольные щелкал, как орешки. Блестяще сдал выпускные экзамены. Без всякой протекции, без денег поступил в престижный вуз. А потом... жизнь как-то не сложилась. Его пригласили на кафедру, предложили заниматься наукой, но Денис оказался страшно неуживчивым. Пошли конфликты... он уволился. Новая работа его опять же чем-то не устроила. В семье возникли неурядицы. Он рано женился... на девочке, за которой бегал еще в школе. Двое детей, домашние хлопоты, безденежье... у кого угодно нервы не выдержат. Денис развелся первым...

– Полагаете, ваш сын последовал примеру друга?

– Какие они друзья? Так... приятели. У них же нет ничего общего! – взмахнула руками Евланова. – Просто Дима привык изливать душу этому Денису. Школьная привязанность. На самом деле они давно чужие друг другу. Дима имел глупость предложить Денису должность в банке, но тот отказался. Представляете? Перебивается с хлеба на воду, зато гордый. Дает уроки каким-то лоботрясам, подтягивает их по математике. Тем и живет.

– Что ж... тоже выход.

Марина Ивановна попросила напрямую к Денису не обращаться ни под каким видом. Он все доложит Дмитрию.

– Не волнуйтесь, – успокоила ее Астра. – Мы что-нибудь придумаем.

– Мое неперемное условие – полное инкогнито! – театрально воскликнула дама. – В случае чего, я не знаю вас, вы – меня. Я буду все отрицать!

– Договорились.

– Звоните мне по этому телефону... – Евланова продиктовала номер сотового. – После десяти утра и до пяти вечера. Муж уходит на работу, и я остаюсь одна. Домработница не в счет. Она является только два раза в неделю, по вторникам и четвергам.

Разглядывая фотографию ее сына и бывшей невестки, Астра и Матвей сделали вывод, что Дмитрий Евланов не похож на обычного дельца, интересы коего замыкаются на спекулятивных операциях и денежной прибыли. Если он бросил не только красавицу-жену, квартиру и бизнес, приносящий ему неплохие дивиденды, тому должна быть веская причина. Человек, запечатленный на карточке, выглядел...

– Чур, я первая угадываю! – заявила Астра. – Этот мужчина знает себе цену. Он умен, но его ум не столько рационален, сколько абстрактен...

Они начали свою обычную игру – обмен мнениями, исходя из внешнего вида заочно представленного им человека.

– Склонен к импульсивным порывам... – отозвался Матвей.

– Любит хорошо одеться и вкусно поесть...

– Любит удовольствия и комфорт...

– Умеет настоять на своем...

– Обладает отменным вкусом... и независимым характером...

– Любимец женщин... и приключений. В душе – авантюрист...

– Придает значение физической форме. Мускулы накачаны, это заметно даже под пиджаком.

– Не жмот. Жена в шикарном наряде, да и кольцо куплено в достойном ювелирном салоне.

– Заботится о своем статусе...

– Заботился! – подчеркнула Астра. – Но почему-то вдруг перестал.

– Верно, – согласился Матвей.

– Ценит старую дружбу...

– Не принято! – засмеялся он. – Ты судишь со слов его матери. Фото никак не отражает отношение сего господина к дружбе.

– Ладно, ты выиграл.

– Ничья, – добродушно провозгласил Матвей.

– Меня другое волнует. Как подобраться к такому потрясающему экземпляру? Он ведь настоящий светский лев... хищник. А хищники всегда настороже. Просто так не подпустят.

– И как прикажешь действовать? Кем прикидываться? Журналистами? Или сотрудниками психологической помощи? Так господин Евланов-младший, судя по всему, довольно бесцеремонный тип. Пошлет нас подальше, и вся недолга.

– На какой козе к нему подъехать? Ума не приложу! – приуныла Астра.

– Придется начать с Дениса... как его...

– Кручинина.

Они вышли на балкон. Стало уже совсем темно. В осеннем воздухе пахло сыростью и пахлой листвой из Ботанического сада. Ночная Москва зажигала разноцветные огни. Над городом переливалось сумеречное зарево.

– Почти северное сияние, – пробормотала Астра.

– Представь, что этот Дмитрий сейчас тоже стоит на балконе и думает о...

– ...свидании на кладбище. Ты когда-нибудь встречался с женщинами среди могил?

Матвей покачал головой:

– Может, кто-то увлекается загробной романтикой. Есть меланхолические натуры...

– Евланов к ним не относится. По виду он... сангвиник.

– Тогда, наверное, его женщина принадлежит к типу «кладбищенских романтиков». Мы еще ничего о ней не знаем. К тому же я бы не полагался на слова бывшей супруги Евланова. Наговаривать на мужчину, который ее отверг, – любимое занятие отставных жен.

– А пророчество Тэфани? Мы уже имели повод убедиться, что ее «Книга» дает правильные ответы. Нужно только не отмахиваться, а хорошенько подумать.

– О чем тут думать? О *змееногой деве*? Ты меня насмешила. Кто она? Актриса, кажется? Вряд ли она явилась из преисподней за грешной душой управляющего банком. Все гораздо проще, дорогая. Дмитрию наскучило жить в браке, он увлекся более молодой и красивой женщиной... которая, к тому же, предложила нетрадиционный секс...

– На кладбище?

– Допустим. Человек пресыщенный в погоне за острыми ощущениями, новизной, способной разбудить его угасающие инстинкты, пускается во все тяжкие, дабы получить еще один, не испытанный ранее оттенок оргазма. Уверяю, тут не обошлось без всесильного и вездесущего Эроса!

– Издеваешься?

Они долго, до слез, смеялись, перегнувшись через балкон и разглядывая «нижний мир»: темный массив сада, фонари вдоль улицы, движущийся свет фар, горящие окна ночных заведений.

Астра вспомнила слова из записанного госпожой Евлановой предсказания: «...*Она вышла из праха, дабы обращать в прах...*»

– Речь идет об убийстве, Матвей!

– Кого? Евланова? Эта актриса собирается его убить?..

Глава 5

Денис Кручинин оказался точно таким, как его описала жена банкира. Типичный «непризнанный гений»: рассеянный во всем, что не касается математики; безалаберный в быту, неряшливый и какой-то неприкаянный. Вспыльчив, но добр, глаза печальные, на губах блуждает робкая улыбка. За внешней расхлябанностью не сразу разглядишь недюжинный точный ум и неистребимое свободолюбие. Такой не может находиться «в системе»: поднимает бунт по любому поводу. Не удивительно, что он вынужден перебиваться частными уроками.

В гостиной – обшарпанная мебель, стены оклеены черно-белыми плакатами и открытками в стиле немого кинематографа, недопитая бутылка водки на столе, бутерброды. Берлога закоренелого холостяка. Странно, что он вообще женился и обзавелся двумя детьми.

Кручинин впустил Астру и Матвея, даже не спрашивая, кто они и зачем явились. Он был под хмельком.

– Мы по поводу уроков математики, – заявила она, устраиваясь на диване.

Это не вызвало у хозяина энтузиазма.

– Да? У меня уже есть несколько учеников. В ближайшее время я не планирую...

– Двойной тариф! – вмешался Матвей. – Лишь бы вы согласились.

– У вас мальчик... девочка? Какой класс?

– Она уже окончила школу. Речь идет о подготовке на математический факультет.

Кручинин уставился на Астру неожиданно пронизательным взглядом. Его хмель будто испарился.

– Серьезно? Я не готовлю для поступления. Слишком хлопотно.

Матвей достал из кармана деньги, положил на выдавшую виды скатерть.

– Если мало, я добавлю. Только не отказывайте.

Бывший одноклассник Дмитрия Евланова не выглядел алкашом, но выпивал, похоже, прилично – не по праздникам в компании, а в одиночку и по будням. Его лицо оживилось при виде предложенной суммы. Он подумал о детях, которым нужно купить уйму всяких вещей, об обещанных роликах... и кивнул.

– Когда мы сможем начать? – обрадовалась Астра.

– Да хоть завтра... – Он запнулся и, припомнив свое расписание, поправился: – Лучше послезавтра. Учиться будете вы? Я правильно понял?

«Как он догадался? – недоумевал Матвей. – Видно, не так прост!»

– Я решила поменять профессию... Актриса из меня не получилась, попробую свои силы в педагогике. Мне всегда нравилась алгебра! Буду преподавать в средней школе.

Ей не удалось обмануть Кручинина.

– Не поздно ли? – прищурился он. – Актерское ремесло несовместимо с математикой. Человек творческий, богемный питает отвращение к числам и формулам.

– Я исключение... – невинно произнесла она. – Я была молода и ошиблась. К счастью, это можно исправить. Вы мне поможете?

Кручинин откинулся на спинку кресла и развел руками.

– Не знаю, зачем вам это нужно, ну да ладно. Вы платите, вы и заказываете музыку. Какое мне дело до ваших мотивов?

– Я тоже ее отговаривал! – кинулся спасти положение Матвей. – А она заладила: хочу преподавать алгебру и геометрию. Женский каприз, не больше. Слава богу, что я в состоянии исполнять ее желания. Надеюсь, ей скоро надоест решать задачки и доказывать теоремы.

– Вы кто? Муж?

– Д-да...

Астра сверкнула глазами и отвернулась, пряча улыбку.

– Женщины – это стихия, – вздохнул математик. – Нам остается плыть по волнам. Что ж, приходите завтра... секундочку, я загляну в свои записи...

Он порылся в потрепанном ежедневнике и назвал время – в три часа дня.

– И не опаздывать!

От Кручинина они поехали в Сокольники, к дому, где, со слов его матери, проживал господин Евланов-младший. Консьерж встретил их неприветливо – был не в духе. Судя по опухшей щеке, у него болел зуб.

Матвей подошел к стойке и с улыбкой объяснил:

– Мы разыскиваем своего друга, Дмитрия Евланова. Нам дали этот адрес.

Он назвал улицу, номер дома и квартиры.

– Это писатель, что ли? Знаю... Он просил никого к нему не пускать.

– Дима вообще-то дома? Или, может, куда уехал?

Лицо консьержа исказилось от приступа боли. Он невольно прижал руку к щеке.

– Уехал? Не думаю... Ваш друг каждый день куда-то ходит... но сегодня я его не видел. Его просто скрутило, жалко было смотреть, как он мучается.

– У меня есть анальгин, – с сочувствием предложила Астра. – Вот, возьмите...

– Я уже съел полпачки! Ни черта не помогает. А сменщик, как назло, крестины справляет. Работнички...

– Так мы поднимемся?

Консьерж махнул рукой. Он бы кого угодно пропустил, лишь бы его оставили в покое.

Астра и Матвей поднялись на третий этаж и замерли у двери, за которой проживал сын банкира Евланова.

– Ты взял с собой отмычки? – одними губами спросила она.

– С ума сошла? А вдруг, он дома? Хочешь загромоздить в полицию?

– Давай звони.

После пятого или шестого звонка за дверью послышались шаги. Матвей округлил глаза – видишь, мол, хороши бы мы были, вскрыв чужие замки!

– Кто там? – раздался сердитый мужской голос.

– Коммунальная служба, – затараторила Астра. – Мы проводим опрос жильцов вашего дома...

– К дьяволу!

«А он не очень-то вежлив, – подумал Матвей. – Вот тебе и светские манеры!»

– Откройте, пожалуйста, – гундосила Астра. – Без вас наш опрос не будет полным...

– К дьяволу ваш опрос! – прогремело из-за двери.

Удаляющиеся шаги возвестили, что разговор со съемщиком квартиры окончен.

– По крайней мере, мы убедились, что он жив.

– Ты уверена, что это был именно Евланов?

Вопрос Матвея заставил ее снова потянуться к звонку. Он поймал ее руку на лету.

– Нет... не сейчас. Он не откроет! Мы только разозлим его.

– Скажем, что обязаны проверить вентиляционную тягу или водопроводные краны.

– Нет! Поверь, нам лучше удалиться. Не тот случай, когда надо идти напролом.

Раздосадованная Астра все же согласилась с его доводами и понуро поплелась вниз. Консьерж посмотрел им вслед воспаленными от боли глазами. Возможно, при других обстоятельствах он бы поболтал с ними... за определенную плату. Но не сегодня.

Выйдя на улицу, Астра задрала голову. Кое-где на балконах старой девятиэтажки висели горшки с цветущей петуньей. Такие дома раньше считались престижными, но теперь в городе появилось куда более комфортабельное жилье. Почему Дмитрий поселился именно здесь? Почему представился консьержу писателем? Выдает желаемое за действительное?

– Его окна сюда выходят? Во двор?

– Пожалуй, да... – Матвей легонько потянул ее к машине. – Вдруг Евланов имеет привычку выглядывать в окно? Идем...

Черный «Фольксваген Пассат» блестел вымытыми боками. Астра уселась и опустила стекло со своей стороны. Ей было душно. На сером асфальте живописно желтели редкие кленовые листья.

– Давай покараулим немного, – предложила она. – Может, нам повезет, и этот Евланов выйдет погулять или за хлебом в булочную? Мне не терпится его увидеть.

– А если нет? Будем торчать тут до вечера, голодные?

– Я взяла с собой бутерброды и кофе. Ты ведь никуда не торопишься?

Он начал раздражаться. Ее бесцеремонность порой выводила его из себя.

– Вообще-то я собирался посидеть пару часов в офисе. Заказов стало меньше, но есть один сложный проект.

– Зачем ты нанимал директора, если вынужден сам копать в чертежах и расчетах?

Они лениво препирались, не спуская глаз с дорожки, на которой должен был появиться Евланов. Время тянулось медленно. Мимо прошли две пожилые дамы, одна из которых вела таксу на поводке, мамаша с ребенком в коляске и два школьника младших классов с ранцами.

– Это не твой метод, – ворчал Карелин. – Ты ведешь себя, как полицейский оперативник. Так мы ничего не узнаем. Наружное наблюдение – своего рода искусство...

Он бубнил и бубнил, но Астра перестала его слушать. По дорожке шагала молодая женщина, одетая во все черное: жакет, юбка, туфли, платок, лицо закрывали огромные темные очки.

– Смотри!

– Что такое?

– Вот она, роковая соблазнительница... Подходящий наряд для свиданий на кладбище. Зловещий!

– С чего ты взяла? Женщина похоронила кого-то, у нее траур...

Он осекся и замолчал, потому что на некотором отдалении от женщины в трауре показался высокий плечистый мужчина в джинсах и ветровке.

– Это он, Евланов! – прошептала Астра. – Зуб даю!

Матвей улыбнулся. Она перенимает его выражения... А мужчина вправду похож на эlegantного господина с фотографии. Только одет попроще.

* * *

Лера избегала темных переулков и пустынных улиц. Она перестала задерживаться на работе и убегала первая, едва стрелки часов добирались до заветных цифр. Ее нервозность и неуместную торопливость заметил даже администратор магазина.

– У тебя все нормально? – как-то спросил он, глядя на Леру из-под стильных очков в модной оправе. – Чего ты дергаешься? В торговый зал выходишь, как в клетку с тиграми! Так нельзя, дорогуша! Так ты нам всех покупателей распугаешь. У нас товар фирменный, дорогой, поэтому ты должна улыбаться и угождать каждому, кто заходит в магазин. Поняла?

Лера испугалась, что он сию минуту ее уволит, прикажет подписать заявление и убираться на все четыре стороны.

– И-извините... – давась слезами, пробормотала она. – У меня... неприятности. Мама заболела!

Не говорить же, что ее любовника застрелили бандиты и теперь она боится за свою жизнь? Да, у нее развивается панический страх, которому нет толкового объяснения. Этот страх проникает в ее мозг и заставляет совершать глупости. Она ведет себя неадекватно. Неудивительно, что люди обращают на это внимание.

– Ты свои неприятности оставляй дома, дорогуша, – строго произнес администратор.

– Хорошо...

– Надеюсь, завтра ты будешь в порядке.

Лера как ошпаренная выскочила на улицу, понеслась к метро и уже у входа вспомнила о забытом в подсобке зонтике. Как назло, припустил холодный дождь.

Трясаясь в переполненном вагоне, она старалась думать о чем-то приятном. О новой курточке, на которую она откладывает деньги, о родителях, которые обещают зимой взять ее с собой в Альпы: у них намечался отпуск, и они решили провести его с дочерью. В горах будет лежать снег ослепительной белизны, а в маленьком уютном шале⁴ папа разведет огонь в камине, и они наконец наговорятся внаслаждение...

Лера едва не проехала свою остановку. Толпа пассажиров вынесла ее на платформу, повлекла к эскалатору. Под землей было тепло и сыро, на земле лил дождь. Лера постояла под навесом, замерзла и побежала к остановке троллейбуса. Втиснувшись в салон, она, мокрая, уткнулась в чью-то спину; чей-то локоть уперся ей в бок, а одну ногу девушке пришлось держать на весу, потому что поставить ее было решительно некуда. Зато Лера сразу согрелась.

Она с ужасом думала, как будет добираться до дома без зонтика. Между тем троллейбус остановился. Впереди тоже стояли троллейбусы: видимо, где-то произошла авария или образовался затор. Прошло полчаса, а они все еще стояли.

– Когда поедет? – нервничали пассажиры.

– Сколько еще торчат здесь?

– Что там случилось?

⁴ В Альпах: небольшой сельский домик.

Никто не мог ответить на их вопросы. За окнами, залитыми дождем, сгущалась темнота.

Водитель открыл двери и выпустил несколько самых нетерпеливых. В салоне стало просторнее. Лера перевела дух, однако вскоре ее охватила новая тревога. Перспектива идти по улице в темноте в столь поздний час пугала.

У нее разболелась голова, ноги гудели. Хотелось сесть, но все места были заняты. Погруженная в свои мысли, она не заметила, как троллейбус тронулся и медленно покатил вперед.

– Поехали! – радостно галдели пассажиры.

На остановках люди толкали Леру, но она даже не огрызалась. Хоть бы добраться до квартиры благополучно. Ей представлялось, как она входит в подъезд, а там ее поджидает киллер... Глухой хлопок, и она падает замертво прямо на лестнице, катится по ступенькам вниз...

– Девушка, вам плохо? Вы побледнели...

Пожилой мужчина с усами и бородой, похожий на священника, озабоченно тронул ее за плечо. Лера вздрогнула.

– Что с вами?

– Ой, мне выходить...

Она выскочила в холодную, хлещущую водяными струями ночь и, не разбирая дороги, побежала по лужам. Краем глаза она увидела автомобиль, который прижался к бордюру и притормозил. От страха свело внутренности... и Лера бросилась вперед. Шум дождя заглушал все звуки, но она обостренным слухом уловила щелчок дверцы. Сильные руки схватили ее, оторвали от земли... Она попыталась вырваться, позвать на помощь... но горло судорожно сжалось, и вместо крика раздалось нечленораздельное сипение. Ненастная темнота ночи слилась с мутной тьмой в ее сознании...

Глава 6

Загадочная незнакомка и мужчина, похожий на Дмитрия Евланова, привели Астру и Матвея на Бабушкинское кладбище.

Женщина вышла из такси и направилась покупать цветы. Она пугливо оглядывалась по сторонам. Мужчина, который ехал следом в другом такси, остался сидеть в машине.

– Я пойду за ней, а ты оставайся здесь и наблюдай за Евлановым, – распорядилась Астра.

– Слушаюсь, командир. А если он тоже куда-нибудь пойдет?

– Тогда... действуй по обстоятельствам.

Астра, как обычная посетительница кладбища, торопливо зашагала по главной аллее. Впереди маячил черный силуэт. Она понимала: если женщина что-нибудь заподозрит, то свернет на любую дорожку и без труда скроется между памятниками и густой растительностью. Поэтому Астра сама свернула и, стараясь не выпускать «объект» из виду, двигалась параллельно, но все-таки вскоре потеряла женщину в трауре – в какой-то момент та будто сквозь землю провалилась.

Астра побродила среди могил в надежде, что отыщет пропавшую даму, – напрасно. Ей попадались согбенные старушки, и один раз мимо прошел рабочий в спецовке с лопатой наперевес. От него веяло грубой силой и перегаром.

Она положила белые гвоздики, которые захватила с собой, на приглянувшееся надгробие и решила вернуться к «Пассату». Матвей, наверное, злится. Сидеть в машине, уставившись на припаркованное такси, занятие не из веселых. Она достала сотовый, чтобы позвонить ему, но передумала. И вовремя.

– Не смейте ходить за мной! – донеслось до нее из-за раскидистого куста жасмина. – Что вы себе позволяете?

– Я просто гуляю... – пророкотал мужской голос.

– Кладбище – не место для прогулок.

– Напротив. Здесь приходят в голову дельные мысли. О тщете всяческих устремлений и бренности нашей скоротечной жизни. Я писатель... и для меня важно каждое мгновение бытия. Даже горе и страдание имеют свою эстетику, свою скорбную красоту. Ваш со вкусом подобранный наряд тому подтверждение.

– По какому праву вы преследуете меня? – в женском голосе звенел страх. – Я заявлю в полицию!

– Вы не сделаете этого... Вам ни к чему огласка. Вы ведь скрываетесь от людей, так же как и я.

– Я не скрываюсь... я...

Женщина в замешательстве замолчала.

Астра пригнулась и раздвинула ветки жасмина. В лицо ударил запах зелени и осенних цветов за оградой. На посыпанной песком дорожке, рядом со стелой из белого мрамора стояла незнакомка в трауре и «писатель» Евланов. Похоже, его никто никуда не тянет. Он сам горит желанием отправиться в геенну огненную вместе с этой молодой привлекательной дамой. Черный жакет и юбка подчеркивали ее стройную фигуру, а через платок и очки легко угадывалась ее красота. Когда женщина хороша собой, этого не спрячешь.

– Оставьте меня в покое, – устало вымолвила она. – Вы ничего обо мне не знаете. И слава богу! Вам лучше не знать...

– Почему же? Я узнал вас. Вы... блистали, ваша слава гремела по всей стране... ваш дом осаждали сотни поклонников. Вы слишком рано ушли! Не удивительно, что вы вернулись... Но вас встретил совершенно иной мир, иные люди, которые забыли вас... ваш дивный талант, вашу мистическую притягательность... Вы не исчерпали себя, не познали великой любви – только великий триумф. Вам было этого мало... ваш собственный неистраченный огонь жег вас...

Она попятилась.

– Что вы несете?

– Вы впитываете каждое мое слово – не отпирайтесь! Иначе бы вы давно прогнали меня, вместо того, чтобы выслушивать мои бредни.

Он загородил ей дорогу, встал так, чтобы она не могла пройти.

– Подите прочь! Пропустите меня!

– Вы были покладистой и покорной женой. Но верной ли? Неужели ни один из знаменитых ухажеров не сумел разбудить ваше сердце? Ваш муж не сделал вас счастливой! Вы играли супружескую любовь... и продолжаете играть...

Она замахнулась, как будто хотела ударить его по щеке. Он перехватил ее руку в черной кружевной перчатке и поднес к губам. Вся эта сцена на фоне мрачных надгробий напоминала дешевую чувствительную мелодраму.

– Я не играю...

Она попыталась высвободить руку. Он отпустил ее.

– Сейчас нет. Боюсь, ваш талант остался там, куда вы так опрометчиво отправились. Вы умерли... ваша болезнь не была вызвана вирусом, она гнездилась в вашей душе. Вы столько раз умирали на экране, что отлично отрепетировали свою смерть. Она манила вас так же неодолимо, как и любовь...

– Вы... сумасшедший.

– Ошибаетесь. Я был сумасшедшим. Сейчас я выздоровел... и чувствую себя заново рожденным. Я живу по велению сердца и упиваюсь свободой. Если в конце этого дивного приключения нас ожидает могильная плита... какой смысл притворяться, идти на поводу чужих желаний и собственных заблуждений? Повторять навязшие в зубах шаблоны? Я не хочу быть в матрице! Вы ведь тоже не хотите... признайтесь.

Астра слушала затаив дыхание. Этот сюрреалистический диалог захватил ее какой-то неизведанной глубиной, которая таилась за каждым словом. Она теряла ощущение реальности...

– Вы мертвы и не можете воскреснуть! – продолжал Евланов. – Вы попробовали... и у вас не получилось. Зачем вы ходите на кладбище?

– Здесь лежит...

Он не дал ей договорить.

– Не лгите ни себе, ни мне! Нельзя жить по давно устаревшему и забытому сценарию. Судьба отомстит вам. Никогда не возвращайтесь туда, где все кончено.

Женщина опустила голову и стояла, словно обдумывая сказанное. Ветер приподнимал подол ее юбки, открывая точеные икры и колени. Ее ноги были изящны и вызвали восхищение.

– Разве все кончено? – спросила она.

– Почти...

– Если бы вы оказались правы!

Старушка в сером плаще и черной повязке на седых волосах испортила Астре всю обедню. Она бесшумно подкралась и с искренним изумлением воскликнула:

– Что ты там ищешь?

– Ой! – испугалась Астра, на ходу придумывая ответ. – Ключи... я ключи уронила...

– Какие ключи, дочка?

Пожилая дама была глуховата и говорила очень громко.

Евланов повернулся на голоса, а женщина, которой он преграждал дорогу, воспользовалась моментом и проскользнула мимо. Он не стал ее догонять. Впрочем, Астра, лишенная возможности вести наблюдение, этого уже не видела. Она объясняла любопытной старушке, как раскрыла сумочку, чтобы достать носовой платок... а ключи выпали и потерялись... Та сокрушенно всплескивала морщинистыми руками.

– Вот беда, так беда... Ищи, голуба! Не то замки менять придется. Жулья нынче разве-лось, как грибов в лесу. Залезут, все вынесут!

Астра для виду продолжала «поиски». Сердобольная старушка ей помогала – ворошила палочкой в траве. Тем временем Евланов и женщина исчезли.

«Откуда ты взялась на мою голову? – вздыхала Астра. – Всю слежку завалила!»

Пришлось возвращаться к «Пассату». Матвей сидел в машине, жуя бутерброд.

– Где ты пропала? Я уже хотел идти за тобой.

– Лучше скажи, куда делся Евланов?

– Они оба уехали, и мадам в трауре, и ее ухажер. Сначала она, потом он. А чем они там занимались, на кладбище?

– Не тем, о чем думает его мамаша...

Крым, Евпатория. 1914 год

Ислам-Али постарел, его тело точили болезни.

Дети выросли, любимая жена из юной стройной, как кипарис, красавицы превратилась в дебелую матрону, увешанную ожерельями и браслетами. Она обожала шербет и часами валялась на подушках, куря кальян. Мужа перестали волновать ее смуглые прелести. Он испытывал равнодушие ко всему, кроме денег.

Это лето в Крыму выдалось жаркое, сухое. В воздухе витало дыхание войны. Фронт был далеко, в Европе, и казалось, беда не докатится до приморских степей. Тревожные вести приходили из портов, где моряки за стаканчиком рома обменивались друг с другом неутеши-

тельными новостями. Немецкие войска оккупировали Люксембург, Бельгию и продвигались к Парижу.

Торговля пришла в упадок. Правительства развитых стран занимались размещением военных заказов, оружием, провиантом и снаряжением для армий. Над пряничными городками Старого Света носился пороховой дым, смешанный с запахом цветущих лип.

Бумажные деньги стремительно теряли надежность. Богатые аристократы, промышленники и банкиры поспешно вкладывали капиталы в «вечные ценности» – антиквариат, золото и предметы искусства. Красивые женщины без оглядки бросались в объятия офицеров, уходящих на фронт. Солдаты пили водку и горлачили строевые песни. Казалось, мир сошел с ума...

Ислам-Али послал старшего сына за кладом, спрятанным у дальних родственников, когда в городе поползли слухи о грядущей голодной зиме, о недостатке хлеба и ночных налетах на лавки и магазины. Происходило что-то смутное, пугающее своей неизвестностью. Некоторые купцы фрахтовали корабли и уплывали в Турцию – якобы там спокойнее.

Старик пребывал в самом дурном расположении духа – желчный, терзаемый страхом за накопленные богатства, он едва дождался возвращения Камилы. Его одолевали тяжкие мысли. Если он умрет, «священное» золото достанется чужим людям. Старый дом, прилепленный к скалам, разрушается, и кто знает, как скоро обнажится тайник в стене из камней, скрепленных известковым раствором...

– Камиль! – вскричал он, едва сын переступил порог его спальни. – Оно цело?

– Цело, отец...

Ислам-Али со стоном опустился на подушки. Его медленная кровь не согревала рыхлое тело, но сейчас он ощутил прилив жара в груди. Золото здесь! Оно рядом... загадочное и опасное. Великолепное, как вещи из обихода богов. Владыки прошлых царств и были богами для своих неисчислимых подданных.

– Где оно?

– В моей сумке, отец... Принести его сюда?

Лоб старика пронзила резкая боль, и он вяло махнул рукой. Не надо, мол. Потом.

– Как там дедушка Хафиз? Жив еще?

– Умер в прошлом году, – почтительно сообщил сын. – Он совсем умом тронулся. Соседи говорят, кричал по ночам. А днем все держался за голову и твердил, что не позволит сделать из нее чашу. За ним ухаживала Зифа, покупала еду и лекарства на те деньги, что ты посылал.

Ислам-Али судорожно дернулся и потянулся рукой к переносице. Вспомнил, как могучий воин из его кошмаров распиливал в этом месте череп... Оказывается, за столько лет он ничего не забыл.

– Кто живет в доме?

– Полоумный нищий бродяга... Поселился после смерти дедушки Хафиза. Жители селения называют его дервишем⁵. Может, он и правда дервиш? Питается овечьим сыром и пляшет под собственное пение. Кружится на одном месте...

– Он что-нибудь говорил тебе?

– Говорил, – кивнул Камиль. – Чтобы я поскорее увозил с собой проклятие этого дома. Признаюсь, мне стало не по себе от его слов, а особенно от взгляда, которым он проводил меня.

– Что взять с дервиша?

– Он радовался, как ребенок, когда я взвалил на осла поклажу и начал спускаться по тропе. Хлопал в ладоши и размахивал своими лохмотьями.

⁵ Дервиш – мусульманский нищенствующий монах.

Селение располагалось так высоко в горах, что туда можно было добраться только на осле. Камиль оставил лошадь внизу, у купца, который продавал шерсть и виноградное вино. Тот дал ему осла, наказав быть очень осторожным.

– Хвала Аллаху, ты благополучно вернулся... – пробормотал Ислам-Али. – Золото надо продать. Немедленно.

Он поманил сына пальцем, и тот наклонился к его изголовью. Старик прошептал, сколько денег они должны выручить. Камиль выпрямился, потирая затылок.

– У кого найдется такая сумма?

– Покажем вещи хитрому греку, который занимается продажей антиквариата. Иди, оставь меня одного. Я хочу подумать...

Камиль удалился, а старик долго лежал с открытыми глазами, глядя на пламя свечи. Ему никак не удавалось забыться сном. Чудилось, будто что-то громадное и темное нависло над постелью и мешает дышать... Больной провалился в беспамятство, но и там не нашел покоя. Где-то в степи нарастал шум – нескончаемая череда людей и всадников тянулась за повозкой, на которой лежало облаченное в лучшие одежды и золотые украшения тело умершего вождя. В последний путь его сопровождала молодая красавица-жена в окружении его главных слуг: виночерпия, повара и конюха. Все они должны были расстаться с жизнью на краю усыпальницы, куда уже опустили золотые чаши, серебряные кувшины, амфоры с вином и маслом, посуду, серебряный котел, полный жирного мяса. Коней в великолепной сбруе убьют и похоронят рядом с хозяином, чтобы он мог воспользоваться ими сразу же, как только проснется. Его оружие положат в непосредственной близости от его рук – меч, лук со стрелами, копья, ножи...

Процессия остановилась в нескольких шагах от могилы, вырытой в земле погребальной камеры, укрепленной деревянными подпорками. Крыша камеры покоилась на массивных столбах-колоннах, стены были увешаны коврами и войлоком.

Слуги покорно ожидали своей участи. Все они, подобно их господину, нарядились в лучшие одежды и украшения. Жена вождя была дивно хороша в платье, расшитом золотыми бляшками, в золотых браслетах и диадеме, укутанная в густую пурпурную вуаль. Никто не должен был видеть ее лица, ее ужаса, леденящего сердце. Вождь любил ее при жизни больше остальных женщин, и теперь она последует за ним в царство теней... Ничто не может ее спасти. Теперь ей не завидовали ни старшие жены, ни отвергнутые господином наложницы. Служанка, которой тоже предстояло отправиться вместе с госпожой в мерцающий золотом мрак могилы, дрожала всем телом. Ее уже охватили предсмертные судороги...

Над степью стояло раскаленное солнце, но женщины стучали зубами от холода: словно всесильный бог мертвых дохнул на них из-под земли, замораживая кровь в жилах.

Лицо вождя было спокойно, его головной убор сверкал желтым огнем, на губах застыла едва заметная улыбка. Все проходит пышно и пристойно, как и полагается при погребении особы высокого ранга. Его народ прощается с ним, крича и стеля, протыкая себе ладони острыми стрелами в знак скорби. Он был славным и храбрым правителем, которому отдают заслуженные почести. Кто знает, что ждет его там, куда не долетает ветер с вольных степных просторов?.. На всякий случай подданные позаботились, чтобы он ни в чем не испытывал нужды – ни в женских ласках, ни в еде и питье, ни в одежде, ни в бытовой утвари, ни в быстрых и выносливых лошадях. Сбоку от него упокоится меч, срубивший немало врагов, и хлыст с костяной ручкой, чтобы погонять коня...

Лучшие воины по знаку распорядителя подняли с повозки тюфяк с телом и опустили в погребальную камеру. Толпа всколыхнулась, истошные крики и плач далеко разнеслись по степи. Заржали кобылицы, зазвенели колокольчики, отгоняющие злых духов, воины застучали мечами о щиты, отбивая ритм смерти...

Жена вождя в страхе попятилась, увидев в руках исполнителя церемонии веревку, которой ее должны были удушить. Свет померк в ее глазах, беспощадная удавка затянулась на шее, с хрустом ломая позвонки. Тело дернулось и обмякло, печально звякнули золотые бляшки на богатом наряде. Динь-динь... динь...

Два влиятельных скифа переглянулись, обменявшись условными жестами. Мертвых женщин уложили в отведенное для них место, окружили предметами роскоши. У ног господина в последний момент поставили чудесную чащу.

– Так будет спокойнее, – шепнул один могущественный скиф другому. – Здесь никому не придет в голову искать. Табити, Папай и Апи⁶ довольны, я чувствую это.

– У нас нет храмов и алтарей, – отозвался второй. – Наши святыни хранятся в могилах. Гробница – надежнее, чем кибитка кочевника или кожаная сумка, притороченная к седлу. Насыплем сверху землю, утопчем поплотнее, соорудим огромный курган. Только ты и я будем знать о...

Они замолчали и оглянулись, не слышат ли чужие уши того, что для них не предназначено. Солнце палило немилосердно. Толпа безмолвствовала. Распорядитель отдавал последние указания. Слуги разбирали погребальную повозку, чтобы опустить ее в могилу. В небе кружили стервятники, учуяв запах лошадиных трупов...

Тризну по усопшему вождю устроили долгую и обильную. Горели большие костры, в котлах ритуальных котлов варилось мясо, вино лилось рекой...

Ислам-Али сразу сообразил, что все это ему снится, и не испугался, открыл глаза. Он лежал в кромешной тьме, на полу из камышовых циновок. Пахло сыростью, ароматическими травами и тленом. Он хотел вскочить – не тут-то было. Тело отказывалось подчиняться. Рядом кто-то находился – неподвижный и грозный даже в смерти...

Ислам-Али пытался призвать на помощь Аллаха, но на его рот как будто наложили печать.

– Ты у меня в гостях, – произнес кто-то незримый. – Захочу, останешься здесь навсегда.

Ислам-Али ничего не мог видеть в темноте, ничего не мог слышать: его пустые глазницы и ушные отверстия были забиты землей. Тем не менее, он и видел, и слышал. Вокруг валялись кости, золотые бляшки, истлевшие куски дерева, глиняные черепки. От бывшего великоления нет и следа...

«Неужели, я мертв и погребен вместе со скифским владыкой? – ужаснулся старик. – Не может такого быть. Мы жили в разное время! Нас не могли похоронить в одной могиле!»

Его обуяла жуть. Хозяин подземного дома смеялся над его мыслями.

– Ты ничего не понял, шакал! – гремел он. – Время не имеет значения для мертвых.

– Но я жив! Жив!

– Кто тебе сказал?

Ислам-Али сделал нечеловеческое усилие, чтобы подняться и набрать в грудь затхлого воздуха. Ничего не вышло. Склеп, видимо, обсыпался, когда прогнал потолочный настил из дерева, и выбраться наверх, к свету, не представлялось возможным. Старик истошно завопил, понимая, что все зря...

Топот чьих-то ног вернул ему надежду. Кто-то его услышал! Это была жена... он уловил запах розового масла, которым она злоупотребляла.

Ислам-Али открыл глаза и проснулся, на сей раз по-настоящему.

– Что... где я...

– Дома... лежишь в своей постели, – тоном, каким разговаривают с тяжело больными, произнесла она. – У тебя была нервная горячка. Доктор уехал час назад. Он уверил нас, что опасность миновала, и ты поправишься.

⁶ Табити, Папай и Апи – три высших скифских божества.

Старик едва шевелил языком:

– И давно... я... хвораю?

– Ты слез в тот же вечер, когда приехал Камиль. Мы с ног сбились, выхаживая тебя...

Невыразимо приятно было слышать ее голос и густой аромат розового масла, исходящий от ее волос.

– Позови... Камиля...

– Ну, вот... уже командуешь. Значит, все хорошо.

– Где... Камиль?

– Поехал закупать товар. К обеду будет...

Глава 7

Москва. Наше время

Лера пришла в себя от резкого запаха аммиака. Она полулежала на заднем сиденье автомобиля, перед лицом белела вата, смоченная нашатырем. У Леры першило в горле, слезились глаза. Она вяло оттолкнула руку с ватой.

– Ну, слава богу... – с облегчением произнес хриплый басок. – Я уж собирался «Скорую» вызывать.

Сознание Леры медленно прояснялось. И голос, и лицо похитителя показались ей знакомыми. Накатила новая волна страха, сердце заколотилось. Ее же похитили! Насильно запихали в машину и куда-то везут. Или уже привезли?

– Не убивайте м-меня... – с трудом вымолвила она.

Язык не слушался, тело словно оцепенело.

– Ты даешь, подруга? Это же я, Семен! Забыла?

Она сообразила, что машина стоит на месте. Ни качки, ни характерного шума двигателя не ощущалось. Да и за рулем, кажется, никого. Только частое однообразное постукивание у нее в ушах, – наверное, от дурноты.

– Неужели, я так сильно изменился?

В салоне было полутемно, тускло горела лампочка, но освещения хватало, чтобы разглядеть похитителя. Черные волосы, красивый рот... В ее уме шевельнулась догадка.

– Марцевич, ты?

– Я! Конечно, я! – обрадовался он. – Очухалась? Донес до машины, гляжу – ты в обмороке. У меня душа в пятки! Ты, часом, не беременна?

Она помотала головой. В груди зрел вулкан возмущения. Идиот! Она успела подзабыть его дурацкую привычку: налететь, схватить на руки, потащить куда-то...

– Ты меня напугал до смерти! Я подумала...

Она осеклась. Не говорить же ему, *что* она подумала?

Марцевич, видимо, огорчился. Улыбка сбежала с его красных, как у девушки, губ.

– Ну, вот... я хотел как лучше. Еду, вижу, ты бежишь по лужам... без плаща, без зонтика. Дождь льет, как из ведра! Решил подкинуть тебя домой. Притормозил, а ты как будто не замечаешь.

Лера вспомнила подкативший к бордюру серый автомобиль в пелене дождя. О-о, все понятно! Этот стук в ее ушах – дождь.

– Не знала, что у тебя машина.

– Год назад купил «Шкоду». Ты меня бросила, не дождалась... А я теперь богатый жених!

Семен шутил. Он занимался автомобильным бизнесом – гонял из Германии машины, продавал. Накопил денег и открыл мастерскую по техобслуживанию иномарок. Прибыль не ахти какая, но на жизнь хватало.

Лера все еще не могла поверить, что ей ничто не угрожает, ее не будут ни подвергать пыткам, ни насиловать, ни убивать. Ее похищение – неудачный розыгрыш бывшего бойфренда. Он так и не научился ухаживать красиво. Все какие-то нелепые выходки, грубые шутки, неуместная бравада. Из-за этого они и расстались. Лере хотелось стихов, прогулок при луне, галантности, романтических ужинов и щедрых подарков. А Марцевич то шампанским обольет – испортит купленное на отложенные гроши платье, то в сауну пригласит, напьется до чертиков и лезет с объятиями; то в ресторане дебош учинит. Он вроде и не жадный – просто бестолковый.

– Ты бы хоть раз букет цветов преподнес, – не выдержала как-то Лера. – Тюльпанов каких-нибудь!

– Зачем? Я лучше жратвы тебе куплю!

В этом был весь Семен – парень с московской окраины, выросший среди городской шпаны. Зато не пошел кривой дорожкой, брался за любую работу, лишь бы в люди выбиться. Обзавелся собственным бизнесом, пьет умеренно, замуж звал. Лера поразмыслила... и отказала. Какая из нее жена? Она еще не нагулялась, не познала всех прелестей жизни. Так и сказала Марцевичу: «Рано мне хомут на шею вешать. Кастрюли да пеленки! Что за радость?»

Парень обиделся, долго не звонил. Потом все же пригласил на дискотеку – потанцевали, угостил коктейлем. То ли от назойливого буханья музыки, то ли от духоты у Леры разболелась голова.

– Чего кислая? – криво усмехнулся Семен. – Не нравлюсь я тебе? «Белые воротнички» больше по вкусу? Менеджеры разные, клерки офисные, да? Что вы, бабы, в них находите? Квелье они, крученые, один гонор изо всех дыр прет!

Лера насупилась и молчала. Ей хотелось другого обращения – вежливого, деликатного, как у богатых клиентов, которые приходили к ним в магазин. Правда, некоторые тоже грешили дурными манерами – могли и выругаться, и презрительное замечание отпустить. Но в основном это были люди иного уровня, и Лере он пришелся по душе. Она не задумывалась, соответствует ли ему сама.

– Как насчет моего предложения? – настаивал Марцевич.

– Никак.

– Зря ты, деваха, нос воротишь! Ничего, я подожду. Вдруг передумаешь? Ребенка можем пока не заводить. Насчет кухни ты не горячись. Будем полуфабрикаты покупать, пельмени там, замороженные котлеты...

Лера слушала, как в тумане. Чего он к ней пристал? Жениться не терпится? Обслуга нужна? Девочка в постели – не по вызову, не за доллары, а своя, безотказная, всегда под боком, только руку протяни?

– Нет! И хватит об этом! – вспылила она.

После дискотеки Семен – чернее тучи – проводил ее домой, как всегда, до квартиры. Лере стало его жалко.

– Зайдешь? – спросила она. – Чайку попьем.

– Спасибо, не стоит.

Он холодно попрощался и сбежал вниз по лестнице. С тех пор она его больше не видела. Около полугода Лера ни с кем не встречалась. А потом появился Артур...

Вот если бы он ей замужество предложил, согласилась бы сразу. Но Артур уже был женат и не помышлял о разводе. Лера ни о чем таком не заикалась, понимала: этот мужчина сам решает, как ему поступать. Дело было совсем не в деньгах, на которые новый возлюбленный не скупился. Лера не отличалась меркантильностью, она привыкла жить экономно. Родители ей почти не помогали, все заработанное в Новосибирском научном центре тратили на заграничные поездки, осуществляли давнюю мечту посмотреть мир. Иногда брали дочку с собой – и на том спасибо.

Артур олицетворял для Леры переход из одной среды в совершенно иную: благородную, заманчиво прекрасную, полную не только материальных благ, но и чего-то высшего, недоступного таким людям, как она. Это как если бы вельможа влюбился в горничную и дал ей титул и положение в обществе. Артур ничего Лере не обещал, но она и без того была на седьмом небе от счастья. Слушалась его беспрекословно, во всем угождала и суеверно боялась спугнуть снизошедшую на нее благодать...

Как выяснилось, не зря. То, что смерть отняла у нее Артура, Лера восприняла как удар «бича божьего», карающего грешников. Она не смела возноситься столь высоко, а Артуру не следовало изменять жене. Он был слишком известен, слишком на виду, чтобы его роман на стороне не вызвал гнева небес. Кому много дано, с того и спрос строже!

Так рассуждала Лера, охваченная ужасом перед ударом «бича», который мог обрушиться теперь и на нее. Артур занимался опасным делом и невольно притянул любовницу на свою орбиту. Она могла разделить его судьбу так же, как делила с ним постель.

Лера ни секунды не жалела, что на ее пути встретился такой мужчина... Она напрочь забыла о Марцевиче. Искренне, без тени сомнений по поводу того, не прогадала ли она, отказавшись выйти за него замуж. Но сейчас Лера была счастлива, что оказалась в машине бывшего бойфренда.

– Поедем ко мне, – сказал Семен. – Ты мокрая вся. Переодеться надо, душ горячий принять. Выпьешь коньячку, закусишь, и все как рукой снимет.

– Ты ужасно напугал меня!

– Ладно, прости. Я же не думал, что ты меня не узнаешь. У самого поджилки дрожат. Как увидел, что ты без сознания, чего только не полезло в голову. Аптечку открыть не мог, так руки тряслись. Ты точно не того... не беременная?

– Я же сказала, нет!

– Ну что, едем?

Лера вздохнула. Оставаться дома одной было страшновато. Марцевич какой-никакой, а все же мужчина. Ее бил озноб, подташнивало: в салоне «Шкоды» приторно пахло отдушкой и крепким мужским одеколоном. Мокрая одежда противно липла к телу. Мысль о горячем душе и коньяке оказалась решающей.

– Так и быть, вези...

И она закрыла глаза, наслаждаясь чувством безопасности.

В квартире у Семена, уже после ванны и позднего ужина, Лера сквозь дрему отвечала на его вопросы.

– Говорят, у тебя был роман?

– Ага, был...

– С известным человеком?

– Кто говорит? – встрепенулась она.

– Неважно. Да ты не парься, я не ревную. Правда! Просто интересно.

– Значит, разлюбил меня?

– Остыл. Перегорели дровишки...

– Человек – не костер, – засыпая, вымолвила Лера.

И сразу из мутной пелены дождя выступил бывший любовник, приблизился, приложил палец к губам: «Тс-ссс... молчи, если хочешь жить...»

* * *

Астра на урок не опоздала – пришла ровно в три. В ее сумке лежала общая тетрадь в клеточку, ручка и учебник, рекомендованный Кручининым.

Заниматься сели в гостиной за тем самым единственным столом, где в прошлый раз были разложены закуски и стояла бутылка водки.

Денис встретил «ученицу» в спортивном костюме, трезвый, с приглаженными волосами. Он сделал в квартире уборку: разложил все по местам, вытер пыль, обильно побрызгал лимонное деревце, которое росло в пластмассовом ведре. Мокрые листья сильно и терпко пахли. Астра вспомнила, что похожее деревце стояло в ее школьной библиотеке.

– Не передумали менять профессию?

– Нет. Я упрямая, – улыбнулась она. – Добиваюсь, чего хочу.

– Ну-с, покажите, на что вы способны. – Он открыл учебник и ткнул пальцем в первую попавшуюся задачку. – Вот, хотя бы это решить сможете?

– Не знаю...

Астра хорошо училась, но сейчас обычное условие задачи казалось ей китайской азбукой. Прошли годы с тех пор, как она сидела за партой.

Кручинин скептически хмыкнул, глядя на ее растерянность.

– Детская задача... проще не придумаешь.

Астра делала вид, что решает. В голову ничего не шло, кроме мыслей о Евланове. Как бы естественно перейти от математики к интересующей ее теме? Она водила ручкой по бумаге... что-то писала.

– Покажите-ка... – Денис заглянул в тетрадь, смущенно кашлянул и, не поднимая глаз, произнес: – Сущий бред! Простите...

Он объяснял ей какие-то правила около часа, пока не выбился из сил.

– Давайте немного отдохнем. Чаю не хотите?

– Если можно...

– Вы встаньте, разомнитесь. Я мигом.

Он отправился на кухню ставить чайник, а «ученица» тем временем изучала фотографии на стене. Черно-белые снимки были куда выразительнее цветных. Вместо красок здесь говорили свет и тень...

Кручинин принес на подносе чашки с чаем и сахарницу.

– Красивая женщина, – сказала Астра. – Кто это?

– Вера Холодная, актриса немого кино. Старые фильмы – мое хобби. Чарли Чаплин, Мэри Пикфорд...

Чай оказался крепким и вкусным. Астра пила без сахара, а «учитель» положил себе три ложки. Они немного поболтали о современном кино, поругали криминальные сериалы и «мыльные оперы». Кручинин оживился. Они сошлись во мнении, что кинематограф нынче измывался. Как и многое другое. Вот, например, школа...

Благодатная тема нашла горячий отклик в душе математика. Он с жаром пустился обсуждать негодные программы и поточный метод преподавания. Обучение – штука индивидуальная, которую превратили в конвейер...

Астра с трудом вклинилась с заранее заготовленной фразой:

– Вы встречаетесь со своими одноклассниками?

– Изредка, и только с одним, – нехотя, ответил Кручинин. – Это Димка Евланов, мой школьный друг. Он списывал у меня домашние задания и контрольные. Так и выехал в банкиры.

В его словах звучала добродушная ирония.

– У вас сохранился школьный альбом?

– Хотите взглянуть? – он встал и вышел в соседнюю комнату.

Было слышно, как упали несколько книг, потом что-то зашуршало. Денис вернулся с альбомом в клеенчатом переплете, сдувая с него пыль.

– Года три к нему не прикасался. С тех пор, как жена уехала.

Он показал Астре групповой снимок выпускного класса.

– Угадайте, где я...

Два парня в новеньких костюмах и галстуках сразу бросились ей в глаза – они стояли рядом и улыбались. Денис мало изменился, разве что волосы на лбу поредели да черты заострились. Тогда он еще был доволен жизнью, верил в свой талант и надеялся стать великим ученым. Евланов здорово возмужал с тех пор, как вышел из стен родной школы, – накачал мышцы, обрел стать и уверенность в себе. Словом, из шустрого волчонка превратился в матерого волка.

Она уверенно выбрала этих двоих.

– Вот вы, а вот... ваш друг.

– Точно, – удивленно потер подбородок Кручинин. – Нас называли «ДД» – Дима и Деня. У нас был разный старт: я с ходу поступил в университет, Димку забрали в армию. Мне прочили блестящую карьеру, а получилось наоборот.

Он говорил об этом без сожаления, как о свершившемся факте, который не положено оспаривать.

– Зато мы оба развелись с женами! Сначала я со своей Ирккой, потом он со Златой. – Денис показал на фото бойкую девицу с кудрявыми волосами, собранными в хвост. – Это она. Я по Ирке с восьмого класса сох. Еле уговорил замуж за меня выйти. Когда она согласилась, чуть с ума не сошел от радости... Думал, до самой смерти проживем вместе. А оно вон, как вышло...

Он поднял глаза на Астру.

– Вы замужем? – и тут же вспомнил мужчину, с которым она приходила договариваться об уроках. – Ах, да... конечно. У вас бывают ссоры?

– Бывают. Еще какие!

Она всячески старалась расположить его к себе. Чувство симпатии – единственный ключик, безотказно открывающий уста.

Видно было, что Денис очень давно ни с кем не говорил по душам. Их беседа потекла неожиданно доверительно... откровенно, словно они знали друг друга с детства. Сработал эффект «случайного попутчика»: постороннему человеку легче исповедаться, чем близкому, который завтра, быть может, в пылу недовольства использует твои признания против тебя.

Астра поведала Кручинину историю своей первой трагической любви. Он – своего развода с женой.

– Из меня получился плохой отец... Я испортил жизнь Ирке и детям.

– Не вините себя.

– Я начал многовато пить... как будто водка – лечит! Напьюсь и забываю, что не способен содержать семью, заработать достаточно денег. Мозги нынче не в цене...

– Наверное, не в этом дело, – мягко возразила она.

– Правильно! – легко согласился Денис. – Я слишком люблю свободу, чтобы стать рабом «зеленых». Мне даже за границу предлагали ехать, читать лекции в математическом колледже. Но я отказался. Дисциплина... любое принуждение – не для меня. Я – вольная птица! А Ирка меня беспрестанно пилила... Ей только баксы подавай!

Астра не упустила шанс переменить тему.

– Почему же ваш друг развелся? У него, насколько я поняла, денег куры не клюют.

– Димка-то? Да-а... он богач! Умеет капитал создать из воздуха. Финансист от бога. Дамы от него без ума. Кроме кошелька, Евланов и в остальном не промах. Там другое дело... – Он показал пальцем на стену, увешанную черно-белыми снимками женских лиц. – Это я виноват!

– В каком смысле?

– Не надо было рассказывать ему про Веру. Я же не знал, что он такой впечатлительный. Самое странное, что Димка сто раз приходил ко мне и не обращал внимания на эти фото. И вдруг – бац! Все! Влюбился! Пропал парень...

Астра переводила взгляд с фотографий Веры Холодной на хозяина квартиры.

– Вы имеете в виду, что...

– Именно! Именно! Верочка его с того света достала... Из-за нее он Злату бросил, в банк перестал ходить... И то правда, зачем ему работать? Деньги есть, трать – не хочу. Можно отдаться любви со всей пылкостью среднего возраста...

Он выразительно вздохнул.

– Позвольте, но как же...

– Любовь выше смерти, – прошептал Кручинин. – Видимо, Вера приходит к нему по ночам... в виде духа...

– Вы серьезно?

– Он сам мне признался!

Глава 8

Крым, Евпатория. 1914 год

Камиль вырос послушным сыном, он привык доверять отцу и никогда ему не перечил. Раз старик решил продать антикварное золото, так тому и быть.

Ислам-Али, исхудавший, желтый, еще не оправившийся от болезни, едва ворочал языком.

– Эти вещи прокляты, – сказал он. – Их нельзя оставлять в доме. Нас могут убить из-за них.

Камиль вспомнил слова дервиша и молча наклонил голову. Он поступит мудро: дабы не навлекать на семью гнев Аллаха, скроет от покупателя свое имя и лицо.

– Как только стемнеет, отправляйся к хитрому греку, который скупает древности... – прошептал отец. – Тот своего не упустит. Гляди, не продешеви... но и не ломай цену сверх меры. Поторгуйся для виду... и уступи. Назовись кем угодно, хоть крестьянином, который нашел золото на собственном огороде, копаясь в земле...

Ислам-Али словно угадал мысли сына.

Камиль дождался положенного часа, оделся в старье, закутался в дырявый башилык, положил золото в корзину для винограда и выскользнул за ворота. По городу шатались подозрительные люди, но никто не обращал внимания на бедного оборванца.

В доме купца и спекулянта антиквариатом Карандониса еще не спали.

– Убирайся прочь! – прикрикнул на Камиля здоровенный детина, который служил у грека приказчиком. – Милостыню по ночам не подаем!

– Мне бы с господином поговорить... – Он приблизился и приподнял край грязной рогожи, в которую был завернут клад. – Я кое-что принес...

Фонарей на улице не было, зато ярко светила луна, и золото блеснуло в ее лучах, ослепив приказчика. Тот сразу присмирел и повел ночного гостя в магазин на первом этаже дома.

– Погоди тут, я за хозяином.

Камиль с бьющимся сердцем опустился на деревянный стул. В магазине теплилась свеча, пахло пылью и лампадным маслом. Резные шкафы были закрыты на ключ, в них хранились коллекции сомнительных «пантикапейских» и «херсонесских» монет. На стенах висели портреты маслом, татарское оружие, медные блюда и шитые ткани. Все, не представляющее интереса для истинного знатока древностей. Самое ценное грек вывозил в Турцию и там продавал местным богачам и любителям старины. Он не боялся, что его ограбят, – на прилавках стояли третьесортные подделки и никому не нужный хлам.

Карандонис в бархатном халате и феске, в сопровождении приказчика, появился из-за двери в глубине магазина. Его лицо выражало брезгливое недовольство, щеки лоснились.

– Ну, что там у тебя, показывай?

Приказчик услужливо отдернул рогожу. Грек вздрогнул и на мгновение замер, потом с трудом оторвал взгляд от золотых изделий и уставился на посетителя.

– Где ты это взял?

– На огороде... я решил выкопать яму для хранения овощей...

Камиль притворялся безграмотным крестьянином, который, однако, понимает толк в драгоценностях. Крымская степь изобилует золотом из древних погребений, и такие находки

– не редкость. Правда, в основном попадают монеты, нашивные бляшки и прочая дребедень. А здесь – гривна...⁷ дивной красоты, обкладка ножен меча, диадема и чаша.

Карандонис отвел горящие глаза. Он не собирался упускать такое сокровище, но и плакать сполна не хотелось. Кровь его закипела, жилы на висках вздулись. С улицы донеслись пьяные крики солдат, которые гуляли перед отправкой на фронт. В саду надрывались сверчки. Время было смутное, беспокойное... Кто станет искать нищего крестьянина, пропавшего в приморском городке? Если и найдут тело где-нибудь на берегу, спишут на несчастный случай или уличных бандитов. Утонул бедняга, а может, утопили злодеи. Сейчас людям не до того – война.

Грек закусил губу и подал приказчику условный знак. Тот все понял.

– Сколько ты хочешь за эти безделушки? – спросил он.

Камиль почувал неладное – в груди похолодело, на лбу выступил пот. Но деваться было некуда. Не разоблачать же себя? Он назвал сумму.

Карандонис наклонился над корзиной, перебирая вещи. Золото, казалось, жгло ему руки. Чаша выпала и со стуком покатила по полу. Воспользовавшись моментом, приказчик размахнулся и ударил «крестьянина» по голове тяжелым подсвечником. Тот рухнул ничком, не издав ни звука...

– Переверни его. Проверь – мертв?

Приказчик опустил на корточки и перевернул тело. Башлык съехал, и Карандонис в ужасе отпрянул:

– Дьявол! Это же Камиль, сын Ислам-Али! – прошепел он. – Что ты наделал, идиот?

– Откуда я знал? Мы встречались всего пару раз... Мне бы и в голову не пришло, что такой человек...

– Замолчи! – разозлился хозяин. – Ты убил его! Как теперь быть?

Приказчик испугался и прижал ухо к груди распростертого на полу мужчины.

– Кончено...

Он перекрестился и накрыл лицо покойного башлыком.

Карандонис схватился за сердце, но в его уме уже зрели мысли, как поступить с золотом. Продавать его кому-либо открыто в силу сложившихся обстоятельств невозможно, оставлять в доме опасно. Камиль наверняка пришел сюда не по собственной воле, его прислал старик. Завтра же тот поднимет на ноги всю городскую полицию. Надо заметить следы преступления...

– Кто-нибудь видел, как ты впускал его?

– Кажется, нет, – пробормотал приказчик. – Темно было. К чему он затеял этот дурацкий маскарад?

– Какая уже разница? Хорошо, что крови нет, замывать не придется.

Потертый войлок «крестьянского» башлыка хоть и не спас Камиля от гибели, но удар все же смягчил. Смертельная травма оказалась внутренней, бескровной.

– Что мне делать? – губы приказчика прыгали.

Убийство уважаемого человека совсем не то, что деревенского мужика.

– Положишь тело в мешок и вынесешь на берег. Бросишь в море со старого пирса. Если волна обратно не выкинет, считай, повезло.

– Как я его дотащу?

– Да ты здоровый бугай! Убил вон одним махом. Дотащишь! На плечо взвалишь, и бегом! Пока челядь не проснулась. Давай, поторапливайся... И запомни: мы с тобой ничего не видели, не слышали. Никто к нам не приходил, никакого золота не предлагал! Понял?

Приказчик только кивал.

⁷ Гривна – в древности серебряное или золотое круглое украшение на шею.

– *Хоть бы ни с кем не столкнуться по дороге к морю!*
– *Молись, Ивашика! Грешная твоя душа...*
– *Дак ведь вы сами...*
– *Что-о?* – взвился Карандонис. – *Ты пасть-то закрой! Я ни сном ни духом. Спал ночью крепко. В случае чего – от всего откажусь. Гляди, не попадись! А то напрямую на каторгу угодишь!*

Москва. Наше время

Матвею нравились эти вечерние часы, проводимые в спортзале. Он с удовольствием обучал мальчишек приемам рукопашного боя и своеобразной философии русского стиля, введенного в обиход великим Кадочниковым.

– Оценивайте ситуацию, – не уставал повторять он своим подопечным. – Учитывайте все факторы и действуйте оптимально. Лучшая защита – это атака. Избегайте драки, но, когда она назрела, бейте первыми и во всю силу.

Он наблюдал, как в расхлябанных агрессивных подростках – нигилистах и «ниспровергателях устоев» – проклевывалось мужское начало. Сначала в мыслях, потом – в поступках. Постепенно мужские повадки станут для них естественными. Разве может быть иначе?

Сегодня он никак не мог сосредоточиться. Новички отрабатывали навыки ближнего боя, когда негде развернуться и маневр ограничен. По опыту Матвей знал, что многие хорошие бойцы – каратисты и боксеры – проигрывали противнику из-за неумения сражаться «нос к носу».

– Если на тебя нападут хулиганы во дворе, тебе будет легче отбиться, чем в лифте, к примеру, или в автомобиле, – терпеливо объяснял он раздраженному пареньку.

А сам то и дело ловил себя на том, что думает об Астре и расследовании, за которое она взялась. Ей придется изощряться из-за ограничений, установленных заказчицей, женой банкира Евланова: в первую очередь – скрытность. Попробуй тут развернись! Это как раз смахивает на поединок в тесной кабинке лифта.

Он закончил тренировку и стоял под душем, размышляя о гримасах судьбы. Кто-то из кожи вон лезет, чтобы выбиться из нужды, обеспечить себе приличный заработок, а кто-то бросает налаженный бизнес, семью, плюет на все в угоду собственной блажи. Стать писателем! Эка невидаль. Зачем сия сомнительная перспектива такому человеку, как Дмитрий Евланов? И при чем тут женщина? Как понять то, что Астра подслушала на Бабушкинском кладбище? Может, мужик действительно попал под чье-то опасное влияние?

Парни стояли у входа в клуб, поджидая наставника. Когда Матвей вышел, они пристали к нему с вопросами:

– В конце октября – Хэллоуин! Мы пойдем на Сретенку, как всегда?

– А правда, что на месте бывшей Сухаревской башни бродит призрак графа Брюса?

– Да, – кивнул он. – Призрак Брюса – это я и есть!

«Им невдомек, что я говорю правду, – подумал он, улыбаясь. – Почти. Иногда мне кажется, что во мне гораздо больше Брюса, чем инженера Карелина. Бывает ли такое с другими?»

– Шутите...

– Ничего подобного! – поддержали Матвея «старички». – Матвей Аркадьевич надевает костюм графа! Ему идет.

– Матвей Аркадьевич, вы обещали поход в подмосковные пещеры.

– Мы уже ходили...

– В другие! Не те, что в прошлый раз...

– Посмотрим, – рассеянно произнес он. – Кому со мной по пути, могу подобрать.

– А вы куда, на Ботаническую?

Он обычно подвозил до дому одного-двух ребят, кто жил в той же стороне. Они уже знали его маршрут.

«Выходит, я чаще езжу к Астре, чем к себе! В сущности, где мой дом? Квартира на Покровке? Домик в Камышине? А может, усадьба Глинки?»

Он завел «Пассат», двое парней шумно устраивались на заднем сиденье, обменивались впечатлениями о тренировке.

– У меня все тело болит, – признался один.

– Это потому, что ты прикладываешь слишком много усилий, – отозвался второй. – Наше кредо – минимум затрат, максимум эффекта...

«Молодец! – отметил Матвей. – Правильно понимает суть дела!»

Его мысли вернулись к Астре. Казалось, ее усилия вообще не дают результата. Слежка за Евлановым, уроки у Кручинина...

Вспомнились ее слова:

– Прямой разговор с Дмитрием ничего не даст. Вряд ли он отдает себе отчет, куда вляпался. Если же он и есть главный злодей, то мы его только спугнем.

– Какое же злодеяние он совершил? Развелся с женой и перестал ходить в офис? Трупов, слава богу, нет.

– Вероятно, мы о них пока не знаем, – усмехнулась она. – Либо они будут.

– Какой цинизм! – поддел ее Матвей.

– Видео на флешке предсказывает смерть... не все эпизоды исчерпаны.

– Что же нас ожидает на этот раз?

– Зеркало молчит...

– Неплохо бы заглядывать в него почаще! – саркастически вымолвил он тогда.

Высадив ребят, Матвей накупил продуктов и свернул на Ботаническую. Спыхватился, что едет в гости без звонка. О, черт! Он перестал чувствовать себя чужим в ее квартире.

Астра не удивилась его приходу.

– Надеюсь, ты одна?

– Я с тобой...

Она собиралась принять ванну и лечь – этот суматошный бестолковый день вымотал ее, но, увидев Матвея, она обрадовалась. Астре необходимо было поделиться с кем-нибудь своими догадками.

– Как урок? Кручинин тебя не выгнал?

– За такие деньги он готов был болтать о чем угодно. Мы смотрели школьные фотографии. Знаешь, из-за кого Евланов развелся с женой? Всею виной – Вера Холодная. Актриса! Она снималась в немом кино.

– Значит, все-таки актриса. Но ведь она давно умерла... кажется.

– Ты не понял... Вера Холодная – та самая женщина, которую мы видели на кладбище.

– Не морочь мне голову! – не выдержал Карелин. – Однофамилица, что ли?

В гостиной царил розоватый полумрак. Подсветка над картиной «Ласки» выхватывала фигуру женщины Сфинкса, прикипшей к юноше-андрогину⁸... Символ выбора – могущество или удовольствие.

– Чудовище в женском облике! – засмеялась Астра, перехватив его взгляд. – Прямо как в нашем случае. Боюсь, Евланов не устоял. Он еще не преодолел свою сексуальность. А ты?

– Что я?

Матвей смутился и... рассвирепел. Она нарочно дразнит его! Но своей злостью он ее только позабавит.

⁸ Андрогин – мифологическое обоеполое человеческое существо.

– С голодным мужчиной лучше не говорить о сексе, – буркнул он. – Я пойду на кухню, приготовлю поесть. Ты ужинала?

– Нет.

– Я так и думал.

Она отправилась в ванную, долго лежала в мыльной воде, напевая. Потом появилась в кухне – разомлевшая и сонная.

– Нельзя наедаться на ночь... – С этими словами Матвей положил себе на тарелку изрядную порцию спагетти и парочку котлет. – Ты как?

Она вяло сжевала листик салата, клюя носом. Он, напротив, ел с завидным аппетитом: физические нагрузки требовали восполнения сил.

– Завтра у меня назначена встреча, – зевнула Астра. – С бывшей женой Евланова. Она любезно согласилась принять меня.

– Кем же ты представилась?

– Психологом. Мы с Мариной Ивановной придумали чудесный предлог для моего визита. Злата искала специалиста по душевным недугам, который умеет держать язык за зубами. Вот свекровь и порекомендовала ей обратиться ко мне... по поводу Дмитрия. Посоветоваться насчет его поведения.

Матвей выдержал паузу, поливая спагетти томатным соусом.

– Без заключения компетентного профессионала она не рискует вмешиваться в его жизнь.

– Хочет оттяпать пакет акций, который принадлежит Дмитрию? – предположил он.

– Дело не в деньгах. Злата жаждет мести. Она горячо любила мужа... если верить свекрови. В случае его смерти она бы страдала, была вне себя от горя. А так... ее жжет стыд. Брошенная женщина – это не то, что вдова. Вдову уважают, ей сочувствуют, а над разведенкой смеются. Пусть тайком, но злорадствуют, особенно те, кто раньше завидовал. Это позор.

– Какой еще позор? Все вокруг разводится.

– Люди по-разному воспринимают одни и те же вещи.

– И какие советы ты будешь ей давать?

– Которые придутся ей по душе...

– Очень «профессионально»! Нельзя ли подойти к вопросу проще – поговорить со Златой начистоту.

Астра тряхнула мокрыми волосами.

– Невозможно! Во-первых, где гарантия, что она согласится? Во-вторых... Злата может выболтать все отцу Дмитрия, а тот взгребет жену за несанкционированные действия. Марина Ивановна требует строжайшей конфиденциальности.

– Выходит, Злата тоже не должна ни о чем догадываться?

– Конечно! Ладно, пойду сушить волосы...

Она отправилась в спальню. Через минуту загудел фен. Матвей представил, как она сидит за туалетным столиком и струя теплого воздуха раздувает ее волосы. Его охватило умиление...

«Сплошная конспирация, – подумал он, дожидая котлету. – И чертовщина. Вера Холодная, умершая почти век назад... кладбище... пророчество жрицы Тэфаны... Впрочем, пора привыкнуть!»

Раньше Матвей полагал, что люди в своих поступках руководствуются логикой и разумом, но, занявшись сыском, начал убеждаться в обратном.

Глава 9

Лера с трудом проснулась. Где это она? Незнакомая комната, обставленная чужой мебелью, пестрый ковер на полу, что-то надоедливо гудит...

Она привсталала и как подкошенная упала обратно на подушки. От слабости кружилась голова и подташнивало.

Отдаленный гул внезапно смолк. Лера со стоном опустила веки: льющийся из окна свет резал глаза. Раздались чьи-то шаги, каждый отзывался болью в висках.

– Привет!

Она вздохнула, окончательно просыпаясь.

На пороге показался ее бывший ухажер Сема Марцевич, с подносом, на котором стоял завтрак: омлет, тосты и чай с лимоном. К горлу подкатил ком.

Сема смотрел на нее с жалостью.

– Есть будешь?

– Убери...

– Ты всю ночь горела, – сказал он. – Наверное, промокла вчера под дождем, простыла. Врача вызвать надо.

– Мне на работу... Который час?

– С ума сошла? У тебя температура под сорок. Звонить в поликлинику? Ничего, что адрес другой. У меня там знакомая, больничный даст без проблем.

На тумбочке у кровати стоял стакан с водой, валялась разорванная упаковка таблеток. Видимо, ночью она пила лекарства... но ничегошеньки не помнит.

– Я тебе аспирин давал, – сообщил Марцевич. – И парацетамол. Ну, звонить врачу?

Щеки Леры покраснели, а волосы спутались, но она все равно нравилась Семену, даже в таком неприглядном виде, и он с ностальгией вспомнил об их прошлых отношениях. Прежняя страсть, уснувшая в нем, казалось, безвозвратно, вновь заявила о себе.

– Не-а... Отвези меня домой.

– Тебя же уволят, чудачка! За прогул.

– Попрошу денек за свой счет...

– С температурой одной нельзя. Вдруг хуже станет?

Он поставил поднос с едой на тумбочку, приложил ладонь к ее лбу. Как огонь...

– Что это... гудело?

Сознание Леры, расколотое на множество острых граней, цеплялось хоть за какой-нибудь факт.

– Миксер, наверное. Я омлет взбивал. Попробуй...

– Не могу...

Она скривилась. Никакой еды, от одного запаха дурно. Кажется, у нее действительно жар. С детства, стоило ей заболеть, как аппетит отбивало напрочь.

– Будешь лежать у меня, пока не поправишься, – решительно заявил Марцевич. – Температура спадет, тогда я поеду в мастерскую. Я сам себе хозяин.

Он присел на краешек кровати, протянул ей чашку с чаем. В густом настое плавали желтые дольки лимона.

– Может, глотнешь?

Лера села, обнаружив на себе просторную белую футболку хозяина. Смутно вспомнились вчерашняя ванна, коньяк... и провал в душную черноту. Она взяла чашку обеими руками и осторожно отхлебнула. Чай был крепкий, сладкий, с привкусом лимона... Ее бросило в пот.

– Между прочим, ты бредила.

«Вот это совсем уж некстати! – подумала Лера. – Угораздило меня под дождь попасть, вымокнуть и простудиться».

– Теперь я все твои тайны знаю, – усмехнулся Марцевич. – Значит, ты с Артуром роман крутила?

Она молчала, лихорадочно соображая, что такого она могла сболтнуть ночью, мечась в жару. Да что угодно. Имя точно называла, раз Сема спрашивает.

– Ты мне допрос устраиваешь?

– Чего ты боишься, Лера? Кто-то хочет тебя убить?

– Нет...

– Отчего твой Артур умер?

– Да не умирал он...

– Гонишь, подруга. Сама всю ночь бормотала: «Ты же умер, Артур... Ты же умер!»

– Не помню.

Семен кивнул, забрал у нее из рук чашку.

– Ладно, не помнишь так не помнишь. Ты ложись, поспи, тебе отдохнуть надо. Прими таблетку и...

Звонок сотового прервал его на полуслове. Телефон пиликал в сумочке Леры, которая висела на спинке стула.

– Это твой. Дать?

– Не хочу ни с кем говорить... Вообще-то дай, – спохватилась она. – Это напарница из магазина.

Номер на дисплее высветился незнакомый, но Лера все же решила ответить. Мало ли кто ее ищет? Вдруг администратор?

– Алло...

– Где ты прячешься? – прошелестело в трубку. Голос был женский, недобрый. – Мне все известно! Я тебя найду, из-под земли достану...

Крым, Евпатория. 1914 год

Карандонис дрожащими пальцами прикоснулся к золотой гривне – изящному витому обручу с головами фантастических чудовищ на концах. Обкладка меча была покрыта сценами боя – в зыбком свете свечи казалось, будто фигурки всадников и лошадей движутся в стремительном вихре сражения. Диадема явно принадлежала женищине. Сплошь спиралевидный

узор, украшенный листьями, цветами, птицами и подвесками в виде бутонов на цепочках – все тончайшей работы. Красота изделий поражала воображение.

Чаша сияла изнутри, словно золото еще не остыло после плавки, – от нее шло осязаемое тепло. Грек отдернул руку, невольно взглянул на покрасневшую кожу. Неужели обжегся? Это нервы. Слишком много впечатлений для одного дня: переговоры с купцами из Стамбула, пара выгодных сделок, обильный ужин и под занавес – предложение купить сокровища, убийство Камиля, полная неопределенность впереди...

Не в меру упитанный Карандонис взмок от тяжелых размышлений. Теперь продать эти дивные вещи будет сложно, придется изворачиваться и хитрить, придумывать им фальшивую «биографию». Каждый потенциальный покупатель задаст резонный вопрос: откуда у тебя, уважаемый, сии бесценные произведения древних мастеров? Где гарантия, что они подлинные?

– Если это подделка, то много денег выручить не удастся, – прошептал грек.

Он понимал, что сын Ислам-Али вряд ли принес бы фальшивые вещи. Но почему тогда тот выдавал себя за крестьянина?

Карандонис почувствовал слабость в ногах и оперся о прилавок, не сводя глаз с золотой чаши. Она светилась, словно маленькое желтое солнце, слепила и дурманила голову...

Сознание грека помутилось. Он вдруг провалился куда-то – в черную ночную степь, мерцающую заревами костров, в чуждые и пугающие звуки, в лошадиное ржание и бряцание оружия, в запах пота, дыма и вареного мяса, в гулгу воинственных бородатых людей, одетых в панцири и широкие штаны. Они окружили огромную кучу хвороста, наверху которой торчал короткий багрово-блестящий меч, и что-то ритмично выкрикивали, двигаясь в такт этим зловецим гортанным звукам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.